

БЕГУЩИЙ ПО ЛАБИРИНТУ

ДЖЕЙМС
ДЭШНЕР

NEW YORK
TIMES

BESTSELLER

ПРОДАНО
1 750 000
экземпляров

Джеймс Дэшнер
Бегущий по Лабиринту
Серия «Бегущий по
Лабиринту», книга 1

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6371103

Дэшнер, Джеймс. Бегущий по Лабиринту : АСТ; Москва; 2014

ISBN 978-5-17-080974-5

Оригинал: JamesDashner, "THE MAZE RUNNER"

Перевод:

Д. Евтушенко

Аннотация

Вчера они были обычными парнями – слушали рэп и рок, бегали за девчонками, ходили в кино... Сегодня они – пешки в чужой игре, похищенные неизвестно кем для участия в чудовищном эксперименте. Их память стерта. Их новый дом – гигантский комплекс, отгороженный от еще более огромного Лабиринта стенами, которые раздвигаются утром и замыкаются вечером. И никто еще из тех, кто остался в Лабиринте после наступления ночи, не вернулся... Ребята не сомневаются: если они сумеют разгадать тайну Лабиринта, то вырвутся из заточения и вернуться домой. Но кто рискнет жизнью ради общей цели? Кто

пойдет практически на верную смерть? Только двое – паренек по имени Томас и его подруга – Тереза...

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	22
Глава четвертая	35
Глава пятая	46
Глава шестая	54
Глава седьмая	63
Глава восьмая	72
Глава девятая	85
Глава десятая	97
Глава одиннадцатая	103
Глава двенадцатая	114
Глава тринадцатая	121
Глава четырнадцатая	130
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Джеймс Дэшнер

Бегущий по Лабиринту

*Посвящается Линетт. За три года, пока я писал
эту книгу, ты не усомнилась во мне ни разу*

James Dashner

THE MAZE RUNNER

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Dystel & Goderich Literary Management и Andrew Nurnberg.

© James Dashner, 2009

Школа перевода Баканова, 2012

© Художник. В. Ненов, 2013

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Глава первая

Он очнулся в холодном мраке и вдохнул затхлый пыльный воздух. С этого мгновения для него началась новая жизнь.

Раздался громкий металлический стук; пол дрогнул и вдруг ушел из-под ног. От внезапного толчка он упал и, неуклюже барахтаясь, попытался встать. Несмотря на холод, лоб покрылся капельками пота. Поднявшись, он оперся спиной о твердую металлическую стену, какое-то время скользил вдоль нее, затем уткнулся в угол. Сполз на пол, прижал колени к груди и крепко обхватил их руками, надеясь, что глаза скоро привыкнут к темноте.

После очередного толчка комната начала двигаться вверх, точь-в-точь как старый подъемник в горнорудной шахте.

Резкий скрежет цепей и вращающихся блоков, какой можно услышать лишь в цехах древнего завода, наполнил кабину, отражаясь от стен гулким эхом. Темный лифт продолжал подниматься, медленные покачивания взад-вперед вызывали тошноту. Совсем дурно стало, когда в нос ударил запах горелого машинного масла. Хотелось заплакать, но слезы не текли. Оставалось лишь сидеть и ждать.

Меня зовут Томас, – мелькнула далекая мысль.

Единственное, что он смог о себе вспомнить.

Происходящее не укладывалось в голове. Томас пытался трезво оценить окружающую обстановку и найти выход из

создавшегося положения. В сознание разом ворвалось целое море информации – факты, образы, воспоминания, детали окружающего мира и того, как в нем все устроено. Томас увидел снег на деревьях, устланную листьями дорогу, зеленый луг, освещенный бледным светом луны, шумную городскую площадь с сотнями людей; вспомнил о том, как ест гамбургер и плавает в озере.

Но как он оказался в темном лифте, кто его родители и кто он вообще такой, бедняга вспомнить не мог. Он даже фамилии своей не знал. В памяти всплывали образы каких-то людей, однако понять, кто они, не получалось, – вместо лиц виделись лишь расплывчатые цветочные пятна. Он безуспешно силился припомнить хотя бы одного знакомого человека или обрывок разговора.

Плавно покачиваясь, лифт продолжал подниматься. Томас перестал обращать внимание на противный скрежет цепей, тянувших кабину вверх. Казалось, прошло уже много времени; сколько – точно сказать было невозможно: минуты растянулись в часы, а каждая секунда длилась целую вечность.

Как ни странно, первоначальный страх улетучился, словно рой мошкеры, сметенный порывом ветра, и теперь его место заняло сильное любопытство. Очень хотелось понять, где он очутился и что, собственно, происходит.

Издав скрип, а затем глухой металлический звук, кабина резко остановилась, и сидевшего в углу Томаса неожидан-

ным рывком отбросило на середину лифта. Опершись руками об пол, он явственно ощутил, что кабина постепенно перестает раскачиваться. Затем она окончательно замерла: наступила тишина.

Прошла минута. Еще одна. Томас покрутил головой. Темнота. Он снова ощупал стены, пытаясь найти выход – ничего, лишь холодный металл. От отчаяния Томас застонал, и эхо, отразившись от стен, показалось зловещим завыванием смерти. Наконец эхо смолкло, и вновь наступила тишина. Он опять закричал, позвал на помощь, заколотил кулаками в стены.

Ничего.

Томас съежился в углу, обхватив плечи руками и трясаясь от нахлынувшего страха. Сердце едва не выскакивало из груди.

– Кто-нибудь... помогите... помогите мне! – закричал он. Каждое слово причиняло нестерпимую боль в горле.

Когда над головой раздался громкий лязг, Томас чуть не задохнулся. Он посмотрел вверх – потолок лифта разрезала тонкая полоска света, становившаяся все шире. Низкий скрипучий звук наводил на мысль о том, что кто-то с трудом поднимает тяжелые двойные створки. Томас отвернулся и заслонил лицо руками – после долгого времени, проведенного в крошечной темноте, яркий свет резал глаза.

Внутри все похолодело, когда он услышал над собой чье-то голоса.

- Глянь-ка на этого шанка.
- Сколько ему лет?
- Выглядит как кланк, только в майке.
- Сам ты кланк, балда стебанутая.
- Черт, у кого-то ноги воняют!
- Надеюсь, путешествие в один конец тебе понравилось,

Шнурок.

- Точно, обратного билета уже не будет, брат.

Чувство полнейшего замешательства овладело Томасом.

Странные голоса отдавались в голове эхом, некоторые слова он слышал впервые, другие казались отдаленно знакомыми. Прищурившись, он поднял голову к свету, чтобы понять, кто говорит. Поначалу Томас смог разглядеть лишь двигающиеся неясные силуэты, однако вскоре они оформились в человеческие фигуры – над люком в потолке лифта склонились люди и, глядя сверху вниз, указывали на него пальцами.

Зрение сфокусировалось – будто объектив фотокамеры: лица обрели резкость. Да, молодые парни – но разного возраста. Томас и сам толком не знал, что ожидал увидеть, однако отчего-то удивился: на него смотрели обычные подростки, почти дети. Страх немного отступил, хотя сердце продолжало бешено колотиться.

Кто-то сбросил вниз веревку с большой петлей на конце. Томас поколебался, затем просунул в петлю правую ступню, крепко ухватился за веревку, и его немедленно потащили наверх. К нему потянулись руки, множество рук, схватили за

одежду и принялись вытаскивать из кабины. Все вокруг – лица людей, свет, яркие краски окружающего мира – замельтешило перед глазами, слившись в одно расплывчатое пятно. От нахлынувших эмоций свело живот и затошнило; хотелось кричать и плакать. Гул голосов утих, но когда ему помогли перебраться через острый край темной кабины, кто-то произнес:

– С прибытием, шанк. Добро пожаловать в Глэйд{Glade (англ.) – поляна, лужайка.}.

Томас почему-то был уверен, что никогда не забудет эти слова.

Глава вторая

Чьи-то руки поддерживали Томаса, пока он не смог стоять самостоятельно. Немного пошатываясь, ослепленный ярким светом, он отряхнул одежду. Его разбирало любопытство, но сильная слабость не позволяла толком рассмотреть, что происходит вокруг. Обступившие подростки молча наблюдали, как новичок крутит головой, пытаясь хоть что-то понять.

Под любопытными взглядами он сделал несколько неуверенных шагов. Раздались смешки, кто-то ткнул в Томаса пальцем. Тут было по меньшей мере полсотни человек самого разного роста, телосложения, возраста и национальности. Все с волосами разной длины и в грязной, пропитанной потом одежде, словно эти люди занимались тяжелым физическим трудом.

Ничего не понимая, Томас смотрел то на подростков, то на ландшафт необычного места, в котором очутился. Они находились в центре огромной площади размером с несколько футбольных полей, окруженной четырьмя циклопическими стенами из серого камня, местами густо увитыми плющом. Стены, высота которых, вероятно, была не меньше нескольких сотен футов, образовывали идеальный квадрат. В центре каждой из его сторон зиял проход высотой во всю стену, ведущий, как отсюда показалось Томасу, в длинные ходы и коридоры.

– Гляньте на Салагу, – раздался скрипучий голос; Томас не видел, кто это произнес. – Ему так понравились новые апартаменты, что он сейчас шею свернет.

Несколько парней засмеялись.

– Захлопнись, Галли! – грубо рявкнул кто-то.

Томас снова перевел взгляд на окруживших его незнакомцев. Высокий белокурый парень с квадратной челюстью и безучастным лицом, глядя на него, хмыкнул. Другой, коренастый, смотрел на Томаса круглыми от удивления глазами, нервно переминаясь с ноги на ногу. Еще один, плотный мускулистый юноша с азиатской внешностью и высоко закатанными рукавами, обнажавшими бицепсы, также внимательно изучал Томаса. А темнокожий, тот самый, что поприветствовал Томаса, нахмурился. Остальные разглядывали Томаса с не меньшим интересом.

– Где я? – спросил Томас, поразившись забытому звуку собственного голоса.

– В дрянном местечке, – произнес темнокожий. – Расслабься и наслаждайся жизнью.

– Кто будет его куратором? – выкрикнули из толпы.

– Да ты только глянь на эту кучу кланка, балда стебанутая! Как пить дать, станет слопером!

Толпа отозвалась дружным смехом, как будто подростки в жизни не слышали ничего забавнее.

От обилия слов, значения которых Томас не понимал, он и вовсе растерялся. Шанк, кланк, куратор, слопер... Подрост-

ки обменивались этими словами с такой легкостью, что казалось странным, почему он их не понимает. Наверное, вместе с памятью он утратил и часть словарного запаса... Да, неприятно.

Смятение, любопытство, паника, страх – его переполняла целая гамма чувств. Но главенствовало все-таки тягостное ощущение безысходности, словно прошлая жизнь закончилась, была стерта из памяти и заменена чем-то пугающим. Хотелось убежать и спрятаться.

– ...даже в этом случае. Ставлю на кон свою печенку, – донесся давешний скрипучий голос.

Томас по-прежнему не видел лица говорившего.

– Заткнитесь, я сказал! – прикрикнул темнокожий парень. – Еще одно слово – и следующий перерыв будет сокращен вполтину!

Должно быть, их главарь, решил Томас. Нескрываемое любопытство парней смущало, и он сосредоточился на осмотре места, которое темнокожий назвал Глэйдом.

Площадь была выложена массивными каменными блоками, из трещин и стыков которых торчали пучки высокой травы и бурьяна. В одном из углов площади находилась ветхая деревянная постройка странного вида, который сильно контрастировал с серой каменной стеной. Строение окружали несколько деревьев – их корни цеплялись за каменное основание, будто узловатые руки. В другом углу виднелось что-то вроде огорода – отсюда Томас смог разглядеть кукурузу,

кусты томатов и какие-то фруктовые деревья.

В противоположной стороне он заметил небольшие дощатые загоны для овец, коров и свиней. Наконец, четвертый угол скрывали заросли деревьев; ближайшие были чахлыми – казалось, что они вот-вот засохнут. Было очень светло, однако солнца на голубом и безоблачном небе Томас не увидел. Ни о сторонах света, ни о времени по отбрасываемым стенами теням судить было невозможно – сейчас могло быть как раннее утро, так и поздний вечер. Пытаясь успокоиться, Томас глубоко вдохнул и уловил целый букет запахов: свежеспаханная почва, навоз, хвоя, что-то гниющее, какой-то приятный аромат. Почему-то он был уверен, что так пахнет ферма.

Томас снова посмотрел на пленивших его людей; несмотря на смущение, ему страшно хотелось буквально засыпать их вопросами.

Пленник, – подумал он. – Почему это слово всплыло в памяти?

Он всматривался в лица, стараясь оценить, с кем имеет дело. Глаза одного из юношей горели нескрываемой ненавистью, и Томас невольно поежился. У парня настолько злобный вид, что напади он сейчас на Томаса с ножом, тот бы ни сколько не удивился. Черные волосы юноши упали на глаза, он отбросил их назад резким движением головы, после чего развернулся и пошел к блестящему металлическому шесту рядом с деревянной лавкой. На вершину шеста пополз раз-

ноцветный флаг, вяло повисший в неподвижном воздухе.

Томас в изумлении наблюдал, как, подняв флаг, парень повернулся и сел на лавку. Томас быстро отвел глаза.

Внезапно лидер группы – на вид ему было лет семнадцать – сделал шаг вперед. Одет он был вполне привычно – в черную футболку, джинсы и кроссовки, на руке красовались электронные часы. Было странно видеть обычно одетого человека: Томас почему-то решил, что каждый здесь должен носить нечто более мрачное, что-то наподобие тюремной робы. Волосы темнокожего были коротко подстрижены, а лицо – тщательно выбрито. За исключением постоянно хмурого взгляда, в его облике не было ничего угрожающего.

– Это долгая история, шанк, – произнес он. – Постепенно ты все узнаешь – завтра я возьму тебя на экскурсию. А до тех пор... постарайся ничего не сломать. Я – Алби.

Протянув руку, темнокожий молча ждал рукопожатия.

Не отдавая себе отчета, Томас отвернулся от Алби, молча побрел к ближайшему дереву и сел под ним, опершись спиной о шершавый ствол. Его вновь охватил почти невыносимый страх, но он глубоко вдохнул и попытался заставить себя не паниковать. *Просто смирись. Если поддашься страху, не сможешь разобраться в ситуации.*

– Так расскажи, – произнес Томас срывающимся голосом. – Расскажи мне долгую историю!

Алби удивленно оглянулся на приятелей.

Томас снова окинул взглядом толпу: его первоначаль-

ная оценка оказалась верной – здесь было человек пятьдесят-шестьдесят самого разного возраста, как совсем еще дети, так и подростки постарше, вроде Алби. Тот выглядел одним из самых старших. И вдруг Томас с ужасом понял, что совсем не помнит, сколько лет ему самому.

– Нет, серьезно, – спросил он, оставив всякую попытку скрыть страх. – Где я?

Алби подошел к Томасу и сел напротив, скрестив ноги; за ним последовали и другие ребята, сгрудившись позади. Всем хотелось видеть говорящих получше, поэтому подростки толкались и вытягивали головы.

– Если тебе не страшно, – начал Алби, – значит, ты не нормальный человек, а псих. Будешь вести себя не как все – сброшу с Обрыва.

– Обрыва?.. – переспросил Томас, побледнев.

– Ладно, забей. – Алби потер глаза. – Невозможно объяснить все сразу, понимаешь? Мы тут не убиваем шанков вроде тебя. Гарантирую. Но тебе придется постараться не быть убитым. Или выжить. Называй как хочешь.

Алби умолк.

Томас почувствовал, как кровь отхлынула от лица.

– Слушай, – тяжело вздохнул Алби, проведя пальцами по коротко стриженным волосам, – я не силен в таких вещах. Ты у нас первый Салага с тех пор, как убили Ника.

От этих слов у Томаса перехватило дыхание.

Из толпы вышел какой-то парень и, подойдя к Алби, от-

весил тому шустрый подзатыльник.

– Дождись, когда поведешь его на гребаную экскурсию, Алби, – произнес он хриплым голосом с необычным акцентом. – Не видишь, парень совсем перепугался? Первый раз слышит о таких вещах. – Он наклонился и протянул Томасу руку. – Меня зовут Ньют, и мы все будем очень признательны, Шнурок, если ты простишь нашего нового кланкового босса.

Томас пожал ему руку – в отличие от темнокожего, Ньют казался более дружелюбным. Ростом он был чуть выше Алби, но выглядел немного моложе – на год или около того. Длинные светлые волосы спадали по обтянутой футболкой спине, на мускулистых руках выступали вены.

– Брось, – проворчал Алби, жестом приглашая товарища сесть рядом. – Он понимает едва ли половину из того, что я говорю.

Раздались редкие смешки. Чтобы лучше слышать Ньюта и Алби, окружающие подступили почти вплотную к ним.

Алби широко развел руки ладонями вверх.

– Это место называется Глэйд. Здесь мы живем, едим и спим. Себя мы называем глэйдерами. Это все, что пока...

– Кто отправил меня сюда? – требовательно спросил Томас. Страх уступил место злости. – И как...

Не успел он договорить, как рука Алби метнулась к Томасу и ухватила его за майку.

– Поднимайся, шанк! Вставай! – Алби вскочил на ноги,

поташив за собой Томаса.

Обескураженный Томас встал и пятился от надвигающегося на него Алби, пока не уперся спиной в дерево.

– Не стоит меня обрывать, щенок! – рявкнул Алби ему прямо в лицо. – Слушай, придурок, если бы мы рассказали тебе все сразу, ты наделал бы полные штаны кланка прямо тут, а то и вообще помер бы со страха! А потом чистильщики выкинули бы тебя куда подальше, потому что пользы от тебя уже не было бы никакой!

– Не врубаюсь, о чем ты толкуешь, – медленно произнес Томас, отметив, однако, что голос наконец-то обрел твердость.

К Алби подскочил Ньют и обхватил того за плечи.

– Остынь, Алби, только хуже сделаешь. Не понимаешь разве?

Тяжело дыша, Алби отпустил майку Томаса.

– Нет времени любезничать, Салага. Старая жизнь закончилась. Началась новая. Учись быстро, слушай других и помалкивай. Сечешь?

В поисках поддержки Томас посмотрел на Ньюта. Внутри все клокотало, глаза горели от наворачивающихся слез.

Ньют кивнул.

– Слышал, что он сказал, Шнурок?

Томас кипел от злости, страшно хотелось наброситься на кого-нибудь с кулаками, но он просто ответил:

– Да.

– Лады, – сказал Алби. – Первый День – вот что для тебя сегодня, шанк. Надвигается ночь, и скоро вернутся бегуны. Сегодня Ящик прибыл поздногато, так что на экскурсию времени не осталось. Прогуляемся завтра, сразу после подьема. – Он повернулся к Ньюту. – Обеспечь его лежанкой. Пусть поспит.

– Лады, – ответил Ньют.

Алби пристально посмотрел на Томаса.

– Спустя несколько недель ты освоишься, шанк. Будешь наслаждаться жизнью и нам помогать. Каждому было тяжело в Первый День, ты – не исключение. С завтрашнего дня у тебя начнется новая жизнь.

Он повернулся и сквозь расступившуюся толпу зашагал к покосившейся деревянной постройке в углу. Остальные начали расходиться, напоследок бросая на новичка долгие взгляды.

Томас скрестил руки, закрыл глаза и глубоко вздохнул. Пустота, выедавшая его изнутри, быстро уступила место такой печали, что от нее закололо в сердце. Навалилось слишком много. Где он? Что это за место? Какое-то подобие тюрьмы? Если так, за что его отправили сюда и на какой срок? Язык здешних обитателей непривычен, а их самих, казалось, вообще не беспокоит, будет он жить или умрет.

Вновь подступили слезы, но Томас сдержался.

– Что я такого сделал? – прошептал он, не рассчитывая, что его кто-то услышит. – Почему меня бросили сюда?

– Мы все прошли через это, Шнурок. – Ньют похлопал Томаса по плечу. – У всех нас был Первый День, и каждого когда-то вытащили из темного Ящика. Не скрою, у тебя большие неприятности, а дальше может быть еще хуже. Но пройдет время, и ты станешь настоящим бойцом без страха и упрека. Видно, что ты не какой-нибудь долбаный слюнтяй.

– Это тюрьма? – спросил Томас. В сумраке сознания он безуспешно пытался отыскать малейший проблеск, который позволил бы вспомнить прошлое.

– Слишком много вопросов, – сказал Ньют. – Ничего обнадеживающего ответить не могу. Во всяком случае, пока. Сейчас постарайся успокоиться и прими положение как данность – утро вечера мудренее.

Томас промолчал, понурился и разглядывая под ногами трещины в камнях. Вдоль края одного из каменных блоков росла полоска бурьяна с мелкими листочками. Крохотные желтые цветочки тянулись вверх, словно пытались дотянуться до солнца, скрытого исполинскими стенами Глэйда.

– Думаю, Чак будет тебе хорошим напарником, – продолжал Ньют. – Толстяк малость неуклюж, зато отличный собеседник, когда все дела сделаны. Побудь здесь. Я скоро вернусь.

Едва он успел закончить фразу, как воздух прорезал истошный вопль – высокий, пронзительный, почти нечеловеческий крик эхом разнесся по выложенной камнем площа-

ди, заставив обернуться всех, кто на ней находился. От мысли, что вопль раздался из деревянной постройки, у Томаса кровь застыла в жилах.

Даже Ньют подскочил, как ужаленный.

– Вот хрень! На десять минут нельзя отлучиться без того, чтобы медаки не начали истязать бедолагу! – Он покачал головой и слегка пнул Томаса ногой. – Найди Чака и передай, что я поручил ему позаботиться о твоём спальном месте.

Сказав это, он со всех ног помчался к постройке.

Томас сполз на землю по грубой коре дерева, оперся спиной о ствол и закрыл глаза. Как бы ему хотелось, чтобы все происходящее оказалось лишь кошмарным сном!

Глава третья

Томас долго сидел так, будучи не в силах пошевелиться. Наконец он заставил себя посмотреть в сторону кособокой постройки. Возле нее крутилась группа мальчишек, которые то и дело беспокойно поглядывали на верхние окна, будто ожидали, что вот-вот случится взрыв и оттуда в туче осколков стекла и щепок на них вылетит какая-нибудь омерзительная тварь.

Внимание Томаса привлек странный стрекочущий звук. Он посмотрел вверх и успел заметить бледный красный огонек, тут же скрывшийся в ветвях. Томас поднялся и обошел дерево с другой стороны, вытягивая шею и стараясь понять, откуда исходит стрекотание, но не увидел ничего, кроме голых серо-коричневых веток, вытянувшихся словно костлявые пальцы и придававших дереву сходство с живым существом.

– Это один из этих... жуков-стукачей, – произнес кто-то.

Томас обернулся – рядом стоял невысокий пухлый мальчуган. Совсем юный – вероятно, самый молодой из всех, кого Томас успел здесь встретить; на вид ему было лет двенадцать-тринадцать. Длинные темные волосы, заложенные за уши, доходили до плеч, на румяном круглом лице блестели грустные голубые глаза.

Томас кивнул ему.

– Жуков... каких, говоришь, жуков?

– Стукачей, – повторил мальчик, указывая на верхушку дерева. – Если у тебя хватит ума не лезть к нему первым, он тебя не тронет, – он сделал паузу, – шанк.

Кажется, парнишке было неловко произносить последнее слово, будто диалект Глэйда по-прежнему оставался ему чуждым.

Опять раздался леденящий душу вопль – на сей раз более протяжный, – от которого Томаса прошиб холодный пот.

– Что там происходит? – спросил он, показывая на постройку.

– Не знаю, – ответил круглолицый мальчик высоким детским голоском. – Это Бен. Ему здорово досталось. Все-таки *они* до него добрались.

– *Они?*..

Зловещий тон, каким мальчик произнес это слово, Томасу очень не понравился.

– Ага.

– Кто – они?

– Надеюсь, тебе не придется это прочувствовать на собственной шкуре, – ответил парнишка как-то слишком уж спокойно и непринужденно. Он протянул руку. – Меня зовут Чак. Пока не появился ты, я считался Салагой.

Так вот кто должен позаботиться о моем ночлеге, – подумал Томас. Мало того, что он не мог избавиться от чувства полнейшего дискомфорта, так теперь еще и был раздражен.

От непонимания происходящего разболелась голова.

– Почему все называют меня Салагой? – спросил он Чака, коротко пожав тому руку.

– Потому что ты самый новый из всех новичков. – Чак ткнул в Томаса пальцем и засмеялся.

Из дома вновь донесся душераздирающий крик, похожий на рев животного на скотобойне.

– Как ты можешь смеяться? – поразился Томас, напуганный загадочным воплем. – Такое впечатление, будто там кто-то умирает.

– Все с ним будет нормально. Никто еще не умер, если успевал получить сыворотку. Тут все – или ничего. Смерть или жизнь. Просто очень болезненно.

– Что – болезненно? – спросил Томас, выдержав небольшую паузу.

Глаза Чака забегали.

– Ну... когда жалят гриверы.

– Гриверы?

Томас все больше заходил в тупик. *Жалят... Гриверы...* Услышав слова, от которых веяло чем-то зловещим, он уже не был уверен, что хочет знать подробности.

Чак пожал плечами и, закатив глаза, отвернулся.

Томас досадливо вздохнул и вновь прислонился к дереву.

– Сдается, ты знаешь не намного больше меня, – слукавил он.

Его амнезия была очень странной. Томас помнил, как

устроен мир в общем и целом, но многие детали – например, лица людей и их имена – напрочь вылетели из головы. Как если бы в новой книге отсутствовало каждое десятое слово, отчего смысл понять невозможно. Томас не помнил даже своего возраста.

– Чак... как ты думаешь, сколько мне лет?

Мальчик окинул его взглядом с ног до головы.

– Я бы сказал, шестнадцать. Рост примерно метр восемьдесят, шатен... если тебя это интересует. А еще: ты выглядишь хуже, чем обжаренный на костре кусок печенки. – Он хихикнул.

Томас был поражен настолько, что последних слов уже не слышал. Шестнадцать?! Неужели ему всего шестнадцать? Он-то ощущал себя куда более взрослым.

– Ты серьезно? – Он умолк, пытаясь подобрать нужное слово. – Как...

Томас почувствовал себя совсем плохо.

– Успокойся. Первые дни будет очень погано, потом привыкнешь. Как я, например. Всяко лучше, чем жить в куче кланка. – Он искоса посмотрел на Томаса, будто ожидая нового вопроса. – Кланком мы называем дерьмо. Когда дерьмо падает в ночной горшок, оно издает звук, похожий на «кланк».

Томас уставился на Чака, не веря ушам.

– Офигеть, – только и смог он вымолвить.

Томас встал, прошел мимо Чака и направился к обвет-

шалому дому, который нелепым пятном выделялся на фоне массивной каменной стены. Определение «развалина» подходило к его внешнему виду, пожалуй, лучше всего: в высоту дом выглядел как трех– или четырехэтажное здание, но складывалось впечатление, что он в любую минуту готов завалиться. Судя по нелепому нагромождению балок, досок, окон и толстых веревок, дом, видимо, сколотили в большой спешке.

Проходя через площадь, Томас уловил отчетливый запах дыма и аромат жарящегося на огне мяса. В животе заурчало. Теперь, когда Томас узнал, что кричал всего лишь покусанный мальчик, ему стало легче. Конечно, если не думать, кто именно покусал...

– Как тебя зовут? – спросил Чак, стараясь поспеть за Томасом.

– Что?

– Твое имя. Ты нам до сих пор не сказал. Наверняка ты его помнишь.

– Томас.

Он едва слышал собственный голос. Его мысли направились в новое русло: если Чак прав, тогда Томас только что выявил нечто общее между обитателями Глэйда. Потеря памяти у всех была похожей – они помнили собственные имена, но почему-то забыли, как зовут их родителей и друзей. И почему-то никто здесь не помнил своей фамилии.

– Рад знакомству, Томас, – сказал Чак. – Не беспокойся,

я позабочусь о тебе. Я тут уже целый месяц и знаю Глэйд вдоль и поперек. Положись на меня.

У входа в дом-развалюху, где толпилась группа мальчишек, Томаса внезапно обуял приступ раздражения. Он резко обернулся и, приблизившись к Чаку вплотную, бросил тому прямо в лицо:

– Ты даже на мои вопросы толком ответить не можешь!

Удивившись собственной решительности и отваге, он повернулся и пошел к двери с твердым намерением войти внутрь и получить ответы.

Чак пожал плечами.

– Ну а что толкового я могу тебе рассказать?! Я ведь еще новичок, как и ты. Но я мог бы стать тебе другом...

– Мне не нужны друзья! – отрезал Томас.

Потянув на себя дверь, сбитую из выцветших на солнце досок, Томас увидел нескольких парней. Они стояли у лестницы, ступеньки и поручни которой были настолько кривыми, что буквально торчали во все стороны. Стены холла и коридора покрывали обои мрачного цвета, местами ободранные, а на одной из них висел черно-белый портрет какой-то женщины, одетой в старомодное белое платье. Единственным предметом мебели здесь был стол на трех ножках. Все это смахивало на дом с привидениями. Тут даже некоторых половиц не хватало.

Пахло пылью и плесенью, что сильно контрастировало с приятными ароматами снаружи. С потолка свисали помар-

гивающие флуоресцентные лампы, но Томасу некогда было задуматься, откуда в Глэйде электричество. Сейчас его внимание было приковано к женщине на портрете. Неужели она жила здесь когда-то и помогала местным обитателям?

– Эй, глянь-ка, Салага пришел.

Томас вздрогнул, когда понял, что это произнес тот самый черноволосый парень, совсем недавно глядевший на него со смертельной ненавистью. Выглядел он лет на пятнадцать, долговязый и худой. Нос был размером с маленький кулак и напоминал картофелину неправильной формы.

– Видать, шанк совсем обделался, когда услышал, как визжит старина Бенни. Может, тебе подгузник сменить, клан-корожий?

– Меня зовут Томас.

Он не знал, как себя дальше вести, да и не хотелось связываться, поэтому, не произнеся больше ни слова, двинулся к лестнице – ближайшему пути к отступлению. Задира мгновенно преградил ему собой путь, выставив руку.

– Туда нельзя, Шнурок. – Он указал большим пальцем на потолок. – Новичкам запрещено смотреть на... ужаленных. Ньют и Алби этого не одобряют.

– А в чем проблема? – сказал Томас, пытаясь скрыть страх и не думать о том, что парень подразумевал под словом «ужаленный».

– Послушай меня, Салага. – Подросток скрестил руки на груди и нахмурился. – Я видел тебя раньше. Как-то подозри-

тельно мне, что ты у нас здесь появился...

– А вот я никогда в жизни тебя не видел, понятия не имею, кто ты такой, и мне абсолютно на тебя наплевать, – прошипел Томас.

Парень коротко рассмеялся, затем посерьезнел и нахмурился.

– Я видел тебя, шанк. Не очень многим в этих краях довелось быть покусанными. – Он указал пальцем вверх. – Я один из них. Я знаю, каково сейчас Бенни. Я был там. Я видел тебя во время Метаморфозы. – Он ткнул Томасу пальцем в грудь. – Готов спорить на твой первый ужин у Фрайпана { Fry pan (англ.) – сковорода. }, что Бенни тоже тебя видел.

Томас продолжал молча смотреть в глаза задире. Им снова овладел страх. Неужели этот кошмар никогда не закончится?

– Слово «гривер» заставило тебя обмочиться? – ехидно усмехнулся парень. – Поджилки трясутся? Небось, не хочешь быть покусанным, а?

Вот опять. *Покусанный*. Томас попытался отогнать от себя тревожные мысли и указал на лестницу, откуда по всему дому эхом разносились стоны.

– Если Ньют там, я должен с ним поговорить.

Парень несколько секунд сверлил Томаса взглядом, затем кивнул.

– А знаешь, ты прав, Томми. Мне не следует быть таким грубым с новичками. Ступай наверх. Уверен, Алби и Ньют

все тебе объяснят. Серьезно, иди. И извини меня.

Он слегка похлопал Томаса по плечу, а потом шагнул назад и жестом пригласил пройти. Томас понимал: тот что-то затевает – отсутствие некоторых фрагментов памяти отнюдь не превратило его в идиота.

– Как тебя зовут? – спросил Томас, раздумывая, стоит ли вообще подниматься.

– Галли. Кстати, не позволяй вводить себя в заблуждение. Настоящий лидер тут – я, а совсем не те двое чокнутых шанков наверху. Заруби себе на носу. Можешь называть меня Капитан Галли, если хочешь.

Впервые он улыбнулся. Зубы были под стать уродливому носу: двух-трех не хватало, а остальные нельзя было назвать белыми даже при всем желании. Зловонное дыхание Галли напомнило Томасу о чем-то отвратительном из прошлой жизни.

– Есть, Капитан Галли! – ответил он, чувствуя, что еще немного – и его вывернет наизнанку. Страшно захотелось выругаться и двинуть Галли по физиономии.

Ощувив прилив адреналина, Томас демонстративно откозырял ему.

В толпе раздались сдержанные смешки. Галли побагровел, обернулся, потом снова с ненавистью вперил взгляд в Томаса. Его лоб прорезали глубокие морщины, ноздри на огромном носу раздулись.

– Давай, поднимайся. И держись от меня подальше, уш-

марок. – Он снова указал пальцем вверх, не сводя при этом глаз с Томаса.

– Как скажешь.

Томас еще раз окинул взглядом окружающих. От растерянности, смущения и злости к лицу прилила кровь. Никто, кроме Чака, стоявшего в двери и качавшего головой, не шелохнулся, чтобы его остановить.

– Не надо, – сказал мальчик. – Ты новичок и не имеешь права туда идти.

– Ну, поднимайся! – повторил Галли. – Чего стоишь?

Томас успел пожалеть, что вообще зашел в дом, но стремление поговорить с Ньютом было непреодолимо.

Он начал подниматься по лестнице. Каждая ступенька угрожающе скрипела под его весом, и если бы не желание поскорее выкрутиться из неловкой ситуации, Томас трижды подумал бы, стоит ли идти дальше, рискуя провалиться сквозь гнилые доски. Он продолжал подниматься, вздрагивая от малейшего скрипа, достиг площадки, свернул налево и оказался в длинном коридоре с поручнями вдоль стен и несколькими дверями. Только из-под одной из них сквозь щель пробивался свет.

– Метаморфоза! – крикнул Галли снизу. – Посмотри, что тебя ждет, хмырина кланкорожая!

Издевка подстегнула Томаса, придав смелости. Не обращая внимания на треск половиц под ногами и улюлюканье снизу, он подошел к входу в освещенную комнату, медленно

повернул медную ручку и приоткрыл дверь.

Ньют с Алби склонились над кем-то, лежащим на кровати.

Томас вытянул шею, чтобы лучше рассмотреть «пациента» и понять, что вызвало такой переполох.

От увиденного на голове зашевелились волосы, а к горлу подступил ком.

Взгляд был мимолетным – всего несколько секунд, – но и этого было достаточно. Конечности и обнаженная грудь мальчика были покрыты густой сетью вздутых вен необычно зеленого цвета, выпирающих из-под кожи, словно веревки. Тело дергалось и корчилось – все в багровых синяках, красных язвах и кровавых порезах. Налитые кровью глаза вылезали из орбит. Картина успела врезаться в память Томасу прежде, чем перед ним вырос Алби. Вытолкнув Томаса из комнаты, он захлопнул за собой дверь, которая, впрочем, не могла заглушить стоны и крики несчастного.

– Что ты тут делаешь, Шнурок?

Томас почувствовал себя совсем плохо.

– Я... я хотел поговорить, – пролепетал он дрожащим голосом.

Что могло произойти с тем парнем?..

– Проваливай отсюда! Немедленно! – приказал Алби. – Чак тебе поможет. И если до завтрашнего утра ты еще хоть раз попадешься мне на глаза, этот день станет для тебя последним. Я лично сброшу тебя с Обрыва! Ты понял?

От унижения и страха Томас будто уменьшился до разме-

ров маленькой крысы. Он молча юркнул мимо Алби и почти бегом спустился по шатким ступенькам. Не обращая внимания на детей, изумленно разинувших рты – в особенности на Галли, – Томас выскочил наружу, схватив Чака за руку и увлекая за собой.

Томас ненавидел их. Всех. Кроме Чака.

– Пожалуйста, уведи меня!

Он вдруг понял, что Чак – его единственный друг во всем мире.

– Нет проблем, – бодро ответил тот – явно в восторге от собственной значимости. – Сначала заглянем к Фрайпану и возьмем для тебя какой-нибудь еды.

– Не уверен, что после увиденного ко мне когда-нибудь вернется аппетит.

Чак кивнул.

– Вернется, будь спок. Встретимся у того самого дерева. Я буду минут через десять.

Томас был безумно рад убраться подальше от страшного дома, поэтому направился назад к дереву. Стоило ему представить, как непросто будет здесь выжить, как возникло желание бежать отсюда со всех ног. Жутко захотелось вспомнить что-нибудь из прошлой жизни. Хоть малейшую деталь – мать, отца, какого-нибудь друга, школу, увлечение, подружку...

Он несколько раз сильно зажмурился, стараясь выбросить из головы картину того, что увидел в старом доме.

Метаморфоза. Галли назвал это *Метаморфозой*.
Томас поежился, хотя было совсем не холодно.

Глава четвертая

Прислонившись спиной к дереву, Томас еще раз окинул взглядом Глэйд – свой новый дом, кошмарное пристанище, в котором он обречен провести, возможно, весь остаток жизни. Тень от увитой плющом стены вытянулась настолько, что уже наползла на край противоположной стены.

Это помогло немного сориентироваться: деревянная хибара, погруженная сейчас в густую тень, находилась в северо-западном углу, а небольшой лес – на юго-западе. Сельскохозяйственный участок занимал северо-восточную часть Глэйда. В юго-восточной стороне мычала, бляла и кукарекала всякая домашняя живность.

Прямо в центре площади зиял все еще незакрытый люк Ящика – словно приглашал снова прыгнуть в него и вернуться домой, – а неподалеку, примерно футах в двадцати к югу, располагалась какая-то приземистая будка, сложенная из бетонных блоков. В будке не было ни единого окна, виднелась только мрачного вида тяжелая стальная дверь с большой круглой ручкой наподобие колеса, вроде тех, какие используют для задривания люков на подлодках. Глядя на будку, Томас и сам не понимал, что сейчас чувствует острее: любопытство и желание узнать, что находится внутри, или боязнь очередного страшного открытия.

Едва он переключил свое внимание на проходы в центре

каждой из четырех стен Глэйда, как подошел Чак, держа в руках пару сэндвичей, яблоки и две металлические кружки с водой. Чувство облегчения, охватившее Томаса, удивило даже его самого – в этом мире он был не совсем одинок.

– Фрайпан не обрадовался, что я пришел на кухню до ужина, – сказал Чак, усаживаясь под деревом и жестом приглашая Томаса сделать то же самое.

Томас сел, взял было сэндвич, но остановился: в памяти вновь всплыла чудовищная сцена в старом доме. Однако голод одержал верх, и он принялся за еду, ощутив во рту употребительный вкус ветчины, сыра и майонеза.

– О господи... – промычал Томас с набитым ртом. – Умираю с голоду.

– А я что говорил! – невнятно отозвался Чак, уплетая свой сэндвич.

Откусив еще несколько раз, Томас наконец-то задал давно мучивший его вопрос:

– Так что все-таки случилось с этим Беном? Он же на человека перестал быть похож.

Чак бросил взгляд на дом.

– Я и сам точно не знаю, – пробормотал он. – Я его не видел...

Томас понимал, что Чак врет, но решил не давить на мальчишку.

– Не думаю, что тебе бы понравился его вид, уж поверь мне, – сказал он, грызя яблоко.

Томас снова перевел взгляд на огромные просветы в стенах. Хотя отсюда и было плохо видно, ему показалось, что края каменных стен, ведущих в коридоры, какие-то странные. Глядя на стены, он вдруг почувствовал головокружение, словно не сидел у их основания, а парил над ними.

Он тряхнул головой и спросил:

– А там что? Какой-то замок, что ли?

Чак замялся.

– Гм... Ну... я отсюда никогда не выходил...

– Что-то ты темнишь, – сказал Томас, отправив в рот последний кусок яблока и делая большой глоток из кружки.

До сих пор ему никто ничего толком не объяснил, и это начинало действовать на нервы.

– Почему все здесь такие скрытные?

– Так уж сложилось. В этом местечке творятся очень странные вещи, и большинство из нас не знает всей правды. В лучшем случае – половину.

Чака, видимо, все это нисколько не беспокоило. Он был совершенно равнодушен к тому, что у него отобрали прошлое. Да, похоже, с ребятами что-то не так...

Томас встал и пошел в направлении восточного прохода.

– Никто мне не говорил, что я не имею права осмотреться.

Хотелось узнать об этом месте хоть что-нибудь, чтобы не сойти с ума.

– Эй, погоди! – крикнул Чак, пытаясь догнать Томаса. – Будь осторожен. Эти штуковины вот-вот закроются.

– Закроются? Ты про что?

– Да про ворота, шанк!

– Ворота? Что-то я не вижу никаких ворот.

Впрочем, Томас был уверен, что просто так пугать Чак не станет. Было ясно – он упускает что-то очевидное. От этой мысли стало не по себе, и Томас замедлил шаг, уже не очень уверенный в том, стоит ли приближаться к стене.

– А как бы ты назвал эти большие проходы? – Чак указал на невероятно высокие проемы в стенах. Сейчас ребята находились в каких-то тридцати футах от них.

– Я бы назвал их *большими проходами*.

– Так вот, это ворота. И на ночь они всегда закрываются.

Томас остановился, размышляя над словами Чака. Что-то не сходилось. Он поднял глаза, посмотрел по сторонам и уставился на массивные каменные стены, ощущая, как недоумение постепенно перерастает в откровенную тревогу.

– В каком смысле – *закрываются*?

– Сейчас сам все увидишь. Скоро вернутся бегуны. Потом большие стены сдвинутся, и проход закроется.

– Да ты бредишь, – пробормотал Томас.

Как можно сдвинуть эти исполинские стены? Чушь. Он пожал плечами и успокоился, решив, что Чак просто его дурачит.

Наконец они добрались до огромного просвета в стене, ведущего наружу – в длинные каменные коридоры. Разинув рот, Томас смотрел в проход: от увиденного у него перехва-

тило дыхание.

– Восточные Ворота, – объявил Чак с такой гордостью, будто сам их построил.

Томас его почти не слушал, пораженный тем, насколько большим оказался просвет с близкого расстояния. В ширину он был не меньше двадцати футов и уходил высоко вверх до самого края стен, чьи торцы, обрамляющие проходы, были гладкими, за исключением одной странной детали: с левой стороны Восточных Ворот виднелось множество глубоких отверстий диаметром в несколько дюймов. Отверстия были просверлены прямо в камне, начинались у самого подножия стены и уходили вверх с интервалом примерно в фут. При этом из правого торца Ворот, прямо напротив отверстий, выступали штыри – также несколько дюймов в диаметре и длиной в фут. Назначение конструкции угадывалось безошибочно.

– Так ты не шутишь? – спросил Томас. Его снова охватило волнение. – Стены и правда двигаются?

– А что я еще мог иметь в виду?

Томасу потребовалось какое-то время, чтобы собраться с мыслями.

– Ну, не знаю. Я думал, есть какая-то обычная дверь или небольшая стенка, которая выдвигается из основной стены. Не пойму, как такие громадины могут перемещаться. Да они, небось, здесь тыщу лет так стоят!

От мысли, что стены могут сомкнуться и замуровать его

внутри Глэйда, как в ловушке, стало очень неудобно.

Чак всплеснул руками.

– Да понятия не имею! Знаю только, что они двигаются, причем с грохотом. То же самое происходит и в других частях Лабиринта: стены там перемещаются каждую ночь.

От услышанного Томаса словно пронзило током. Он повернулся к мальчику.

– Что ты сказал?

– То есть?

– Ты сказал – «лабиринт». Сказал: «То же самое происходит и в других частях лабиринта».

Чак покраснел.

– Я устал от твоих вопросов. С меня хватит.

Он пошел назад к дереву, под которым они только что ели.

Томас крепко задумался. Что находится за пределами Глэйда? *Лабиринт*? Сквозь Восточные Ворота прямо перед собой он видел коридоры, уходящие налево, направо и прямо. Стены коридоров выглядели точь-в-точь как те, что огораживали Глэйд, да и пол был вымощен похожими массивными каменными блоками. Но заросли плюща там казались более густыми. В отдалении виднелось еще несколько просветов в стенах, ведущих в новые коридоры, а еще дальше, примерно в сотне ярдов, был прямой ход, заканчивающийся тупиком.

– И правда, смахивает на лабиринт, – прошептал Томас, нервно хихикнув.

Чудесно. Ему стерли память и бросили в гигантский лабиринт. Ситуация представлялась настолько абсурдной, что делалось действительно смешно.

И тут случилось неожиданное: из одного из правых ответвлений внезапно выскочил какой-то парень и побежал по главному коридору прямо на Томаса – в направлении Ворот, ведущих в Глэйд. Мальчишка с покрасневшим лицом, покрытый потом настолько, что одежда прилипла к телу, пронесся мимо, едва взглянув на Томаса, и, не сбавляя скорости, помчался к приземистой бетонной будке возле лифтовой шахты.

Томас проводил бегуна удивленным взглядом, не понимая, чего тот, собственно, так торопится. Почему бы ребятам не делать вылазки в Лабиринт?.. И тут он заметил, что и из остальных трех Ворот выскочили парни – не менее взмыленные, чем тот, который прошмыгнул мимо него. Что-то недоброе таилось в Лабиринте, если все они возвращались оттуда в такой спешке.

Выбежавшие собрались у металлической двери маленькой будки. Кряхтя от усилия, один из мальчиков пытался крутануть ржавое колесо. Так вот, значит, про каких бегунов говорил Чак. Интересно, а что они делали в Лабиринте?..

Тяжелая дверь наконец-то подалась, громко и противно лязгнув. Ребята общими усилиями распахнули дверь пошире и тут же скрылись внутри, с грохотом захлопнув ее за собой. Томас смотрел на все это, разинув рот и пытаясь найти

происходящему хоть какое-нибудь объяснение. Да, было тут что-то такое, отчего по всему телу пробежали мурашки.

Кто-то дернул его за рукав, выводя из состояния задумчивости. Это вернулся Чак.

Томас тут же буквально набросился на него:

– Кто эти парни? Откуда они пробежали? Что это за будка такая? – Он повернулся и ткнул пальцем в сторону Восточных Ворот. – Почему вы вынуждены жить в центре этого чертового Лабиринта?

От гнетущего чувства непонимания происходящего буквально раскалывалась голова.

– А я больше ничего не скажу, – ответил Чак неожиданно твердо. – Думаю, тебе надо пораньше лечь спать и хорошенько выспаться. И... – тут он умолк и приложил правую руку к уху. – Начинается...

– Что?.. – спросил Томас, удивленно глядя на Чака. Сейчас тот говорил, как взрослый, и уже не вел себя словно маленький ребенок, которому очень хотелось видеть в Томасе друга.

Внезапно воздух сотряс оглушительный грохот, сопровождающийся чудовищным треском и хрустом. Томас подскочил на месте, попятился, споткнулся и упал. Вокруг все затряслось, как при землетрясении. В панике Томас обернулся – стены пришли в движение. Они действительно ползли, запирая его в Глэйде, как в ловушке. От внезапного приступа клаустрофобии сдавило дыхание, легкие будто наполни-

лись водой.

– Не волнуйся, Шнурок! – крикнул Чак сквозь грохот. – Это всего лишь стены!..

Томас был настолько поражен видом закрывающихся Ворот, что едва услышал его. Он кое-как поднялся и сделал несколько неуверенных шагов назад, чтобы лучше рассмотреть происходящее. В то, что он сейчас видел, было почти невозможно поверить.

Гигантская стена справа от них, пренебрегая всеми известными законами физики, ползла по земле, высекая искры и поднимая клубы пыли. От рокота дробящегося камня у Томаса завибрировали все кости. И тут он понял: двигается только *эта* стена. Она направлялась навстречу той, что слева, и собиралась вот-вот замуровать проход: штыри были готовы войти в отверстия.

Томас посмотрел на другие Ворота: по всем четырем сторонам Глэйда, смещаясь влево и перегораживая проходы, двигались правые стены.

Это невозможно!.. Ужасно захотелось убраться отсюда, в последний момент проскочить в закрывающийся створ Ворот и сбежать подальше от чертова Глэйда. Но здравый смысл одержал верх – в Лабиринте наверняка куда опаснее, чем здесь.

Он попытался представить себе, как работает вся конструкция. Очевидно, огромные каменные стены – сотни футов в высоту – скользили по земле, как раздвижные двери.

В памяти промелькнул смутный образ из прошлой жизни. Томас постарался ухватиться за обрывок воспоминания, дополнить картину лицами, именами, окружающей обстановкой, но все растворилось в сумраке. Его пронзило щемящее чувство тоски.

Выступающие штыри правой стены плавно вошли в круглые отверстия левой, и стены сомкнулись. По Глэйду прокатился жуткий грохот. Все четыре прохода закрылись.

Томасу опять стало не по себе, по телу пробежала легкая дрожь, которая, впрочем, тут же исчезла. Внезапно он ощутил удивительное спокойствие.

– Вот это да!.. – выдохнул он, понимая, впрочем, что простое «вот это да» никак не соответствует масштабам увиденного.

– Фигня, как сказал бы Алби, – буркнул Чак. – Со временем привыкнешь.

Томас огляделся: теперь, когда они были наглухо замурованы в Глэйде, атмосфера этого места полностью изменилась. Он попытался понять, для чего закрывались выходы, но предположения были одно хуже другого: либо их запирали тут, как в тюрьме, либо ограждали от чего-то извне. Мысль о том, что в Лабиринте таится какая-то смертельная опасность, снова вывела Томаса из состояния душевного равновесия. Вернулся страх.

– Да пошли уже, – сказал Чак, дернув его за рукав. – Поверь, к ночи тебе лучше быть в постели.

Понимая, что выбора нет, Томас попытался справиться с бушующими в душе чувствами и побрел за мальчиком.

Глава пятая

Они оказались в густой тени между Хомстедом – так Чак назвал трехэтажную деревянную развалюху – и каменной стеной.

– И куда мы идем? – спросил Томас. Сейчас он думал одвигающихся стенах и о зловещем Лабиринте. Выходило плохо – в том смысле, что ум заходил за разум. Томас потряс головой и сделал слабую попытку пошутить: – Если ты считаешься на поцелуй перед сном, не обольщайся.

Чак юмора не оценил.

– Заткнись и иди за мной.

Томас глубоко вздохнул и, пожав плечами, последовал за Чаком вдоль задней стены дома. Тихо, на цыпочках, они приблизились к небольшому мутному окошку, сквозь которое пробивался мягкий свет. Судя по звукам, внутри кто-то находился.

– Туалет, – прошептал Чак.

– И что? – насторожившись, спросил Томас.

– Люблю проделывать такие штуки. Перед сном лучшего развлечения и не придумаешь.

– Какие еще штуки? – Интуиция подсказывала Томасу, что Чак задумал что-то нехорошее. – Знаешь, я лучше...

– Молчи – и просто смотри.

Чак осторожно взобрался на большой деревянный ящик,

стоявший прямо под окном, пригнулся, чтобы тот, кто находился внутри, не смог его заметить, а затем вытянул руку и легонько постучал по стеклу.

– Ты что творишь? – прошептал Томас. Более неудачного момента для выделявания подобных фокусов выбрать было трудно: там запросто мог оказаться Ньют или Алби. – Я только что попал к вам, и всякие неприятности мне совершенно без надобности!..

Чак, зажав рот ладонью, беззвучно смеялся. Не обращая внимания на Томаса, он снова постучал в окно.

В окне мелькнула чья-то тень, окошко открылась. Томас быстро отскочил и вжался в стену дома. Что за ерунда – какой-то сосунок смог подбить его на идиотскую выходку!.. Пока что Томас оставался незамеченным, но стоило тому, кто находился в туалете, высунуться из окна, и они попались.

– Кто там? – раздраженно заорал кто-то из уборной скрипучим голосом.

У Томаса перехватило дыхание, когда он понял, кто кричит – голос Галли он запомнил хорошо.

И тут резко, без предупреждения, Чак выпрямился перед окном и заорал что есть мочи. Судя по грохоту в туалете, шутка удалась, но, судя по последовавшим жутким ругательствам, Галли был явно не в восторге. Страх и неловкость одновременно охватили Томаса.

– Я тебя убью, хмырина кланкорожая! – завопил Галли, но Чак уже успел спрыгнуть с ящика и теперь несся прочь.

Услышав, как Галли открывает внутреннюю дверь и выбегает из уборной, Томас похолодел.

Однако он быстро пришел в себя и рванул следом за своим новым и единственным другом, но едва завернул за угол, как нос к носу столкнулся с Галли, выскочившим из Хомстеда. Тот был похож на вырвавшегося на волю разъяренного дикого зверя.

– А ну иди сюда!.. – заорал Галли.

Внутри у Томаса от страха что-то екнуло. Похоже, сейчас ему крепко заедут по физиономии.

– Это не я! Клянусь!.. – крикнул он.

Впрочем, смерив противника взглядом, Томас решил, что бояться его, пожалуй, не стоит – Галли выглядел не настолько крепким, чтобы с ним нельзя было справиться.

– Не ты?! – рявкнул Галли, свирепо вращая глазами. – Тогда откуда ты знаешь, что что-то случилось, если не делал этого?

Томас ничего не ответил. Он уже немного успокоился.

– Я не дурак, Шнурок, – прошипел Галли, ткнув пальцем в грудь Томасу. – Я видел жирную харю Чака в окне. Ты должен как можно скорее решить для себя, кто твои враги, а с кем лучше не ссориться. Врубаешься? Мне плевать, чья это была идея, но еще одна такая выходка – и прольется кровь. Ты меня понял, новичок?

Не успел Томас ответить, как Галли развернулся и пошел прочь.

Однако Томасу очень хотелось поскорее замять конфликт.

– Извини, – пробормотал он, понимая, насколько глупо это звучит.

– Я знаю тебя, – бросил Галли, не оборачиваясь. – Я видел тебя во время Метаморфозы и очень скоро выясню, зачем ты здесь.

Томас проводил задиру взглядом, пока тот не скрылся в Хомстеде. Несмотря на провалы в памяти, что-то подсказывало ему: никого отвратительнее Галли встречать ему еще не доводилось. Просто поразительно, как сильно он возненавидел человека, которого увидел впервые в жизни. Да-да, Томас ненавидел Галли всей душой.

– Ну, спасибо тебе, приятель, – сказал он подошедшему Чаку. Тот стоял с виноватым видом, понуро уставившись в землю.

– Извини. Если бы я знал, что там Галли, ни за что бы этого не сделал. Честно.

Неожиданно для самого себя Томас засмеялся, хотя всего час назад был уверен, что больше никогда в жизни не услышит звука собственного смеха.

Чак пристально посмотрел на него и неловко улыбнулся.

– Чего это ты?

Томас замотал головой.

– Ладно, не извиняйся. Так этому... шанку и надо. Хоть я и не знаю, что это слово значит. Но все равно, прикольно

вышло.

Ему стало немного легче.

Спустя пару часов Томас лежал рядом с Чаком в мягком спальном мешке на траве. Местом ночевки служила широкая лужайка, которую он раньше не заметил. Ее выбрали для ночлега многие, что Томасу показалось странным. Хотя, с другой стороны, всем в Хомстеде все равно не хватило бы места. Тут, по крайней мере, было тепло, и это в который раз заставило Томаса подумать о том, в какой части света они находятся. Он совершенно не помнил ни географических названий, ни названий государств, не имел представления о каких-либо ключевых событиях в мире. Жители Глэйда, очевидно, тоже ничего подобного не знали, а если что-то и знали, то предпочитали помалкивать.

Он долго лежал, глядя на звезды и прислушиваясь к чужим негромким разговорам. Спать не хотелось совсем: отчаяние и безысходность никак не отпускали его, а облегчение, вызванное шуткой, которую Чак сыграл с Галли, давно прошло. Это был бесконечный и очень странный день.

Все было так... непривычно. Томас помнил множество мелких вещей из прошлой жизни – что-то о еде, одежде, учебе, играх. Но все это никак не желало складываться в целостную картину. Он словно смотрел сквозь толстый слой мутной воды. И, пожалуй, сильнее всего он чувствовал... обиду.

– Твой Первый День, Шнурок, и ты выжил, – прервал Чак

его раздумья.

– И что из того?

Очень хотелось сказать: «Не сейчас, Чак. Я не в настроении».

Чак приподнялся на локте и внимательно посмотрел на Томаса.

– Через пару дней ты узнаешь гораздо больше. Начнешь потихоньку привыкать. Лады?

– Ну, да... кажется, лады. Кстати, откуда взялись все эти странные словечки?

Все выглядело так, будто обитатели Глэйда позаимствовали их из чужого языка.

Чак снова плюхнулся на землю.

– Не знаю. Я тут всего месяц, если помнишь.

Интересно, Чак действительно ничего не знает или просто предпочитает держать язык за зубами? Этот сообразительный и веселый мальчишка выглядел как сама невинность, но кто может за него поручиться? Как и все в Глэйде, он оставался для Томаса загадкой.

Прошло несколько минут, и Томас почувствовал, что усталость после долгого дня наконец-то взяла свое – его начало клонить в сон.

И тут Томаса словно током ударило – настолько неожиданной была пришедшая в голову мысль.

Глэйд, стены, Лабиринт – все это внезапно показалось каким-то... родным и уютным. Приятное ощущение тепла и

умиротворения разлилось в груди, и впервые с тех пор, как Томас оказался здесь, он подумал, что Глэйд – не самое плохое место во Вселенной. Он замер, широко раскрыв глаза и затаив дыхание. *Что это со мной?* – подумал Томас. – *Что изменилось?* Удивительно, но от мысли, что все будет хорошо, стало немного не по себе.

Неожиданно он осознал, *что* должен делать, хотя и не понимал, откуда взялась такая уверенность. Это чувство озарения было странным – чуждым и знакомым одновременно, но принятое решение казалось единственно верным.

– Я хочу стать одним из тех парней, которые выбираются наружу, – громко сказал он. – В Лабиринт.

– Чего? – отозвался Чак.

Томас уловил в сонном голосе Чака нотки раздражения.

– Я про бегунов. Что бы они там ни делали, я хочу в этом участвовать, – пояснил он.

Интересно, – подумал он, – *что это такое на меня нашло?..*

– Ты понятия не имеешь, о чем толкуешь, – проворчал Чак и отвернулся. – Спи лучше.

Хотя Томас действительно не понимал, о чем говорит, настроен он был очень решительно.

– Я хочу стать бегуном.

Чак снова повернулся к нему и приподнялся на локте:

– Можешь прямо сейчас распрощаться с этой мыслью.

Реакция Чака слегка удивила Томаса, однако он не уни-

мался:

– Не пытайся меня...

– Томас. Новичок. Друг мой. Забудь об этом!

– Ладно. Поговорю завтра с Алби.

Бегун, – подумал Томас. – *Я ведь даже не знаю, кто они такие. Может, я и правда свихнулся?*

Чак со смехом откинулся на спину.

– Ну ты и кусок кланка! Спи давай!

Однако Томас не сдавался:

– Что-то есть в Лабиринте такое... Все кажется до боли знакомым...

– Да спи ты, говорю!

Томас вдруг почувствовал, что в его мозгу сложились во-едино несколько фрагментов мозаики. Хотя он понятия не имел, какая картина получится в итоге, но следующие слова пришли к нему будто извне, словно за него говорил кто-то посторонний:

– Чак, мне кажется, я раньше уже бывал здесь.

Он услышал, как мальчишка резко сел и как-то порывисто вздохнул, но Томас решил не продолжать разговор и повернулся на бок, опасаясь, как бы чувство душевного покоя и уверенности в себе не покинуло его.

Сон пришел гораздо быстрее, чем он предполагал.

Глава шестая

Томас проснулся оттого, что кто-то пытался его растормошить. Он открыл глаза и увидел чье-то лицо, склонившееся над ним в предрассветном сумраке. Томас хотел что-то сказать, но холодная рука мгновенно зажала ему рот. Томас не на шутку испугался, но, поняв, кто его разбудил, сразу успокоился.

– Тс-с, Шнурок. Мы ведь не хотим разбудить Чака, верно? Говоривший обдал его несвежим утренним дыханием.

Ньют. Он, кажется, был вторым по старшинству после Алби.

Томас был удивлен, однако страх улетучился. Стало любопытно: захотелось узнать, что от него нужно Ньюту. Он кивнул. Ньют убрал руку.

– Пойдем, Шнурок, – сказал он, поднимаясь на ноги и протягивая руку, чтобы помочь Томасу встать. Ньют, казалось, обладал такой силой, что мог запросто оторвать ему кисть. – Хочу показать тебе кое-что до подъема.

Последние остатки сна вмиг улетучились.

– Хорошо, – с готовностью ответил Томас, понимая, что надо оставаться настороже, потому что здесь никому доверять нельзя, но любопытство брало верх.

Он быстро вскочил и надел туфли.

– А куда мы...

– Просто иди за мной и не отставай.

Они на цыпочках пошли через лужайку, переступая через тела спящих. Несколько раз Томас чуть было не споткнулся. Потом наступил на чью-то руку, заставив спящего вскрикнуть от боли, за что немедленно получил пинок в ногу.

– Извини, – прошептал он, не обращая внимания на сердитый взгляд Ньюта.

Оказавшись на бетонных плитах двора, Ньют перешел на бег, направляясь к западной стене. Какое-то время Томас колебался, не понимая, зачем ему бежать, потом махнул рукой и помчался следом.

В тусклом свете каждое препятствие на пути выделялось черной тенью, поэтому Томас мог бежать достаточно быстро. Ньют остановился прямо у высоченной стены, которая высилась над ними, словно небоскреб – еще один неясный образ из прошлого, промелькнувший в закоулках опустошенной памяти.

Томас заметил маленькие красные огоньки, вспыхивающие то тут, то там на поверхности стены: они хаотично двигались и замирали, вспыхивали и внезапно гасли.

– Что это? – громко прошептал он с дрожью в голосе.

Мигающие красные огоньки таили в себе какую-то скрытую угрозу.

Ньют стоял всего в паре футов от стены, утопающей в густых зарослях плюща.

– Блин, со временем ты все узнаешь, Шнурок!

– По-моему, глупо посылать меня туда, где все кажется непонятным, и при этом не отвечать на вопросы. – Томас умолк, удивившись собственной решительности. – Шанк, – добавил он, вкладывая в незнакомое слово весь сарказм, на какой был способен.

Ньют издал короткий смешок.

– А ты мне нравишься, Шнурок. Я собираюсь показать тебе кое-что. Ладно. Молчи и смотри.

Он шагнул к стене, запустил руки в заросли плюща и отодвинул в сторону несколько стеблей: под ними обнаружилось квадратное окно шириной в пару футов, покрытое толстым слоем пыли. Сейчас оно выглядело абсолютно черным, словно было покрашено краской.

– И куда смотреть? – прошептал Томас.

– Держи портки покрепче и постарайся не обделаться, дружок. Один из них вот-вот появится.

Прошла минута. Вторая. Потом еще несколько... Томас переминался с ноги на ногу, не понимая, почему Ньют неподвижно стоит и всматривается в окно, за которым нет ничего, кроме темноты.

Но внезапно что-то изменилось.

В окне появилось странное свечение; проникая сквозь стекло, оно переливалось всеми цветами радуги на лице и теле Ньюта, словно тот стоял у края бассейна, подсвеченного изнутри. Томас застыл и прищурился, стараясь разглядеть то, что находилось по другую сторону стекла. К горлу под-

ступил комок.

Что это, черт возьми?!

– Там, за стенами, Лабиринт, – шепнул Ньют. Глаза его были широко раскрыты, будто он находился в состоянии транса. – Все, что мы делаем в жизни, абсолютно все, связано с Лабиринтом, Шнурок. Каждый божий день своей жизни мы посвящаем лишь одному – разгадать гребаную тайну этого гребаного Лабиринта, понимаешь? Я хочу, чтобы ты узнал, с чем имеешь дело и почему эти чертовы стены каждый вечер задвигаются. Надеюсь, после этого ты уяснишь, что тебе никогда и ни при каких обстоятельствах не стоит высовывать туда свою задницу.

Продолжая придерживать стебли плюща, Ньют отступил назад и жестом предложил Томасу стать на его место и заглянуть в окно.

Томас наклонился вперед и уткнулся носом в холодную поверхность стекла. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы сквозь слой пыли и грязи различить смутный двигающийся силуэт: ради этого Ньют и привел его сюда. От увиденного у Томаса перехватило дыхание, словно ледяной ветер ворвался в легкие и сковал их льдом.

Нечто – какое-то существо – размером с корову, но без каких-либо четких очертаний, проворачиваясь и пульсируя, поползло по коридору. Взобравшись на противоположную стену, оно вдруг прыгнуло прямо на окно, ударившись о толстое стекло с громким глухим звуком. Томас неволь-

но вскрикнул и отпрянул от окна, как ошпаренный, однако тварь отскочила назад, не нанеся стеклу ни малейшего вреда.

Томас сделал два глубоких вдоха и снова прильнул к окну. Темнота мешала рассмотреть существо подробно, однако оно излучало странное свечение, позволявшее видеть блестящую скользкую шкуру с торчащими из нее серебристыми шипами. Из тела чудовища, словно руки, выступали жутковатого вида странные механические приспособления со всякими инструментами на концах: дисковая пила, ножницы, какие-то длинные штыри, о назначении которых можно было лишь догадываться...

Тварь оказалась жуткой помесью животного и машины. Скорее всего, она понимала, что за ней наблюдают, знала, *что* находится за стенами Глэйда, и ей, видимо, очень хотелось проникнуть внутрь и полакомиться человеческим мясом. Страх, словно опухоль, разрастался в груди Томаса, сдавливая дыхание. Несмотря на провалы в памяти, он не сомневался, что ни с чем более страшным сталкиваться ему еще не доводилось.

Томас отошел от окна; хорошее настроение, которое он почувствовал минувшим вечером, улетучилось без следа.

– Что это такое? – спросил Томас, чувствуя, как от страха сводит живот. Он снова подумал, что никогда больше не сможет притронуться к еде.

– Мы называем их гриверами, – ответил Ньют. – Мерзкая тварь, верно? Слава богу, они вылазят только по ночам. Если

бы не Ворота...

Томас сглотнул, начиная сомневаться, что когда-нибудь вообще сможет сбежать отсюда. От бывлой решимости стать *бегуном* ничегошеньки не осталось. И все-таки выбора у него не было. Так или иначе, сделать это придется.

Странная мысль, если принимать во внимание только что увиденное.

Ньют отрешенно посмотрел на окно.

– Теперь, дружище, ты знаешь, какая нечисть водится в Лабиринте. Все это не шутки. Но раз уж ты оказался в Глэйде, мы рассчитываем, что ты постарайшься выжить и сможешь выполнить то, ради чего нас сюда послали.

– Что именно? – спросил Томас, не надеясь услышать ничего утешительного.

Ньют посмотрел ему прямо в глаза. Первые проблески зарри падали на него, и Томас мог видеть лицо Ньюта в мельчайших подробностях – грубая кожа и изрезанный морщинами лоб.

– Найти выход отсюда, Шнурок, – произнес Ньют. – Разгадать тайну поганого Лабиринта и вернуться домой.

Спустя пару часов – к этому времени Ворота уже открылись – Томас сидел за старым кособоким столиком неподалеку от Хомстеда. Из головы никак не выходили гриверы: что они делают по ночам в Лабиринте? И каково это – быть атакованным этими чудовищными тварями?

Он попытался отбросить мысли о гриверах и сосредоточиться на чем-нибудь другом. На бегунах. Томас постоянно думал о них. Бегуны только что, не сказав никому ни слова, покинули Глэйд и помчались в Лабиринт, быстро скрывшись в его коридорах. Томас нехотя ковырял вилкой яичницу с беконом, ни с кем не разговаривая, даже с Чаком, который сидел рядом и молча ел. Бедняга изо всех сил пытался завязать с Томасом беседу, а тот упорно не отвечал. Сейчас ему хотелось лишь одного – чтобы его оставили в покое.

Разум отказывался верить в реальность происходящего. Ситуация выглядела просто невозможной. Неужели Лабиринт настолько огромен, что дюжине подростков не удалось изучить его за время многочисленных вылазок? Как вообще можно построить такое циклопическое сооружение? И что более важно – для чего? Ведь должно быть у него какое-то назначение. Кроме того, оставалось неясным, как давно существует Лабиринт и с какой целью сюда забрасывают людей.

От раздумий трещала голова.

Несмотря на все попытки не думать о гривере, мысли об отвратительном существе возвращались снова и снова. Всякий раз, как только Томас закрывал глаза, ему чудилось, будто на него набрасывается призрачный собрат омерзительной твари.

Томас знал – об этом говорило какое-то шестое чувство, – что сам он далеко не дурак. Тем не менее все здесь оста-

валось непонятным. За исключением одного – ему суждено стать бегуном. Интересно, подумал Томас, а почему он в этом так уверен? Особенно теперь, когда знает, какие кошмарные страшилища обитают в Лабиринте...

Кто-то хлопнул его по плечу, выведя из состояния задумчивости. Томас обернулся: за спиной, скрестив руки на груди, стоял Алби.

– Судя по твоему паршивому виду, проснулся ты рано, – произнес он. – Как тебе видок из окна? Понравилось?

Томас поднялся, надеясь, что вскоре выяснит что-нибудь важное или, как минимум, отвлечется от мрачных мыслей.

– Понравилось настолько, что захотелось узнать об этом местечке поподробнее, – ответил он, опасаясь, как бы его слова опять не вызвали у Алби приступ гнева, какой он наблюдал днем ранее.

Алби кивнул.

– Пошли со мной, шанк. Экскурсия начинается прямо сейчас. – Сделав несколько шагов, он вдруг остановился. – И никаких вопросов до самого окончания, сечешь? У меня нет времени трепаться с тобой весь день.

– Но... – Томас запнулся, увидев, что Алби нахмурил брови. Неужели этот парень не может быть хоть чуточку любезнее? – Расскажи мне. Я хочу знать все об этом месте.

Ночью он решил пока никому не признаваться в том, что чувствует себя так, будто бывал здесь раньше и многие вещи кажутся ему знакомыми. Озвучивать подобные мысли пред-

ставлялось не самой хорошей идеей.

– Я расскажу только то, что посчитаю нужным, Шнурок.

Пошли.

– А мне с вами можно? – спросил Чак.

Алби подошел к столу и схватил мальчика за ухо.

– Ай!.. – вскрикнул Чак.

– У тебя что, нет обязанностей, балда?! – рывкнул Алби. –

Или думаешь, помои с дерьмом куда-то испарились?!

Чак поморгал, потом испуганно посмотрел на Томаса.

– Удачи...

– Спасибо.

Внезапно Томасу стало жалко Чака – к нему здесь, видимо, относились без особого уважения. Как бы то ни было, сейчас мальчишке ничем не поможешь – пора идти.

Он улыбнулся Чаку и поспешил вслед за Алби.

Глава седьмая

«Экскурсия» началась у Ящика. Сейчас люк закрывали две металлические створки, лежащие на уровне земли. Белая краска на них давно потускнела и кое-где потрескалась. Было уже довольно светло. Тени от предметов падали теперь в другую сторону, чем вчера. Солнца еще не было видно, но казалось, что оно может появиться над восточной стеной в любую минуту.

Алби указал на створки.

– Это Ящик. Раз в месяц, строго по расписанию, он привозит одного новичка, вроде тебя. На нем же раз в неделю сюда доставляют кое-какие вещи – одежду и продукты питания. Много нам не надо. Мы в Глэйде и своим прекрасно обходимся.

Томас кивнул. Его так и подмывало снова начать спрашивать. Прямо хоть кляп в рот вставляй, подумал он.

– Как работает Ящик, откуда приезжает и кто им управляет – мы без понятия. Ни один из прибывших шанков не смог о нем ничего рассказать. У нас есть электричество, одежду нам присылают, а пищей мы в основном обеспечиваем себя сами. Однажды попробовали отправить одного новенького назад, но пока он там сидел, Ящик так и не сдвинулся с места.

Томас чуть было не спросил, что находится за створками, когда Ящика нет, но передумал. Сейчас он испытывал сме-

шанные чувства – любопытство, растерянность, удивление; ко всему этому примешивался непреодолимый страх перед зловещими гриверами.

– Глэйд разделен на четыре участка, – продолжал тем временем Алби. На Томаса он не смотрел. – Плантация, Живодерня, Хомстед, Могильник. Ты запоминаешь?

Томас помедлил, затем неуверенно кивнул головой.

Алби поморщился, словно был здорово раздосадован тем, что у него по горло неотложных дел, а он вынужден терять время с каким-то новичком.

– Плантация. – Он указал на северо-восток, где располагались сады и огороды. – Там мы выращиваем еду. Вода поступает через проложенные под землей трубы – водопровод был тут с самого начала. Если бы не он, мы бы давно уже подошли с голода. Дождей тут не бывает. Никогда. – Он махнул рукой в сторону загонов для скота в юго-восточном углу Глэйда. – Живодерня – там мы выращиваем и забиваем скотину... А вон там – Хомстед. Сейчас эта убогая халупа раза в два больше, чем была, когда тут появились первые из нас. Мы ее достраиваем по мере того, как Ящик привозит доски и прочее строительное барахло. Выглядит, конечно, стремно, но жить там можно. Хотя большинство все равно спит под открытым небом.

От обилия информации и от незадаанных вопросов у Томаса раскалывалась голова. Он никак не мог привести мысли в порядок.

Алби ткнул пальцем в юго-западный угол Глэйда, скрытый густыми зарослями. Возле хилых деревьев у самого края рощицы виднелись скамейки.

– Вон то место мы называем Могильником. Кроме кладбища – это где лес погуще – там больше нет ничего. Ты свободно можешь пойти туда посидеть, отдохнуть или просто пошляться от нефиг делать. Делаеть что хочешь, короче. – Он кашлянул и умолк, словно хотел сменить тему. – Каждый день в течение следующих двух недель ты будешь работать под руководством нескольких кураторов. Так мы узнаем, какая работа тебе подходит лучше всего – слопер, технарь, чистильщик, копач. Тут у всех есть специальность. Пошли.

Алби зашагал к Южным Воротам, расположенным между Могильником и Живодерней. Томас побрел следом. Он поморщился, когда со стороны фермы до него донесся резкий запах навоза. Кладбище, подумал он. Зачем кладбище там, где живут одни подростки? Это беспокоило его даже сильнее, чем обилие непонятных слов вроде «слопера» и «чистильщика». Любопытство буквально распирало Томаса, и он чуть было не перебил Алби, но вовремя опомнился и заставил себя молчать, переключив внимание на Живодерню.

Возле большого корыта стояли несколько коров, меланхолично пережевывая сено. В грязной луже неподалеку неподвижно лежали несколько свиней, и если бы они время от времени не шевелили хвостиками, можно было бы подумать, что они давно сдохли. Кроме того, Томас увидел загон с ов-

цами; еще там находились клетки с индюками и курятник. Там и сям по участку деловито сновали какие-то ребята; выглядели они так, словно провели всю жизнь на ферме.

Почему мне знакомы эти животные? – удивился Томас. Для него в них не было ничего нового и интересного. Он отлично знал, как они называются, чем питаются и как выглядят. Почему эта информация осталась в его в мозгу, а то, где и с кем он прежде их видел, забылось совершенно? Странной выборочной амнезии не находилось никакого объяснения.

Алби указал на большой хлев. Его некогда красные стены давно выцвели и приобрели мрачный ржавый оттенок.

– Это скотобойня. Грязная у них работенка, надо сказать. Очень грязная. Впрочем, если не боишься вида крови, можешь стать забойщиком.

Томас замотал головой. Перспектива стать забойщиком его совершенно не привлекала.

«Экскурсия» продолжалась. Томас обратил внимание на противоположную сторону Глэйда, на ту его часть, которую Алби назвал Могильником. Ближе к углу, где находилось кладбище, деревья росли плотнее, их листва выглядела более здоровой и полной жизни. Похоже, там постоянно царил полумрак. Зажмурившись, Томас посмотрел вверх и наконец-то увидел солнце – правда, выглядело оно странно: более оранжевое, что ли, чем обычно. Томас снова поразился необычной избирательности своей амнезии.

Он снова перевел взгляд на Могильник, но огненный диск

солнца продолжал маячить перед глазами. Томас часто заморгал, чтобы избавиться от светового пятна, и вдруг снова заметил красные огоньки, поблескивавшие глубоко в темных кронах деревьев. *Что это за штуковины?* – недоуменно подумал он, злясь на Алби за то, что тот не отвечает на вопросы. Чрезмерная скрытность «экскурсовода» раздражала все сильнее.

Алби остановился, и Томас с удивлением обнаружил, что они оказались у Южных Ворот: по обе стороны высились громадные стены. Гигантские блоки из серого камня, местами потрескавшиеся, были почти полностью скрыты плющом. Глядя на них, Томасу подумалось, что ничего древнее этих стен ему, скорее всего, видеть еще не приходилось. Он задрал голову, пытаясь сообразить, как высоко они поднимались, но испытал странное ощущение, будто смотрел не вверх, а вниз, в бездонную пропасть. Голова закружилась: Томас, пошатываясь, отступил назад, продолжая поражаться невиданной архитектуре своего нового пристанища. Он повернулся к Алби; тот стоял спиной к проходу.

– Там Лабиринт. – Алби ткнул большим пальцем через плечо и замолчал.

Томас посмотрел в зияющий просвет между стен, служивший выходом из Глэйда. Простиравшиеся за ним коридоры выглядели точь-в-точь как те, которые он утром увидел у Восточных Ворот через окно. От мысли, что в любую минуту на них может напасть гривер, бросило в жар. Инстинктивно

Томас попятился.

Успокойся! – одернул он себя.

– Я в Глэйде уже два года. Долше, чем все остальные. Те, кто появился тут до меня, уже мертвы, – произнес Алби. При этих словах у Томаса часто забилося сердце. – Мы два года бьемся над разгадкой тайны, но так ни к чему и не пришли. По ночам долбанные стены в Лабиринте двигаются, как здесь Ворота, поэтому составить карту Лабиринта чертовски сложно. Практически невозможно.

Он кивнул в сторону приземистой бетонной будки, в которой прошлой ночью скрылись бегуны.

Разум Томаса с трудом мог переварить услышанное. Алби здесь уже два года? Стены в Лабиринте перемещаются?..

А сколько человек погибло?

Он шагнул вперед, желая взглянуть на Лабиринт собственными глазами, словно все ответы были написаны на его стенах.

Алби выставил руку и остановил Томаса, слегка оттолкнув назад.

– Туда нельзя, шанк.

Томас сдержался и спросил лишь:

– Почему?

– Думаешь, я утром подослал к тебе Ньюта ради развлечения? Правило Номер Один гласит, что никто – абсолютно никто! – кроме бегунов, не имеет права выходить в Лабиринт. Это единственное правило, за нарушение которого

не бывает пощады. Посмеешь его нарушить – и если к тому времени тебя еще не прикончат гриверы, за них это сделаем мы. Сечешь?

Томас нехотя кивнул, подумав, что Алби наверняка преувеличивает. По крайней мере, хотелось бы в это верить. Как бы то ни было, но если после ночного разговора с Чаком оставались какие-то сомнения, теперь они полностью исчезли: он хочет стать бегуном. И он им станет. Он обязан попасть в Лабиринт. Несмотря на все, что Томас узнал и увидел собственными глазами, его тянуло туда как магнитом.

Внезапно его внимание привлекло едва уловимое движение в верхней части левой стены. Он быстро повернул голову и успел заметить, как в зарослях плюща мелькнуло нечто – мелькнуло и тут же исчезло, блеснув чем-то серебристым.

Томас не смог ничего с собой поделаться: вопрос сам сорвался с языка.

– Что это было?

Алби даже не оглянулся.

– Сколько раз повторять – никаких вопросов до окончания, шанк! – Он помолчал, потом глубоко вздохнул и все-таки ответил: – Жуки-стукачи. С их помощью за нами наблюдают Создатели. Тебе лучше не...

Внезапно его прервал пронзительный вой сирены, разнесшийся по всему Глэйду. От неожиданности Томас присел, зажал уши ладонями и ошалело завертел головой: сердце было готово буквально выскочить из груди. Он посмотрел

на Алби и растерялся: тот, кажется, нисколько не испугался надсадного рева сирены, а выглядел всего лишь удивленным.

У Томаса отлегло от сердца: его «экскурсовод», по-видимому, был далек от мысли, что наступил конец света. Впрочем, если и наступил, то Томасу уже порядком надоело постоянно чего-то бояться.

– Что происходит? – спросил он.

– Странно, – произнес Алби и прищурился.

Томас посмотрел в сторону Живодерни: люди, работавшие в загонах, были, очевидно, тоже весьма удивлены, потому что недоуменно озирались по сторонам. Один из них, низенький худой парнишка, крикнул Алби, почему-то глядя при этом на Томаса:

– В чем дело?

– Понятия не имею, – сухо бросил Алби в ответ.

Терпение Томаса иссякло.

– Алби! Что происходит?

– Ящик, балда ты стебанутая! Ящик! – бросил Алби на ходу.

– А что с ним? – настаивал Томас, стараясь поспеть за ним.

Ему захотелось заорать: *«Ответь же мне!»*

Алби не ответил и даже не замедлил шага. Приблизившись к Ящику, Томас увидел, что со всех концов Глэйда к лифтовой шахте стекаются подростки. Среди них был и Ньют. Стараясь сдержать нарастающий страх и убеждая се-

бя, что все будет хорошо и происходящему есть разумное объяснение, Томас окликнул его:

– Ньют, что происходит?!

Увидев Томаса, Ньют кивнул и пошел навстречу ему шагом, странно спокойным для такой суматохи. Подойдя, он похлопал Томаса по спине.

– Это значит, что к нам прибывает очередной чертов новичок. – Ньют умолк, наблюдая за реакцией Томаса. – Вот прямо сейчас.

– И что?

Внимательнее всмотревшись в лицо Ньюта, Томас понял: то, что он ошибочно принял за спокойствие, на самом деле было растерянностью; судя по всему, его новый приятель с трудом верил в реальность происходящего.

– Как что?! – воскликнул Ньют, даже слегка приоткрыв рот от удивления. – К нам еще никогда не присылали двух новеньких в течение одного месяца, Шнурок! Не говоря уже о двух днях подряд...

Сказав это, он махнул рукой и помчался к Хомстеду.

Глава восьмая

Просигналив ровно две минуты, сирена смолкла. Вокруг стальных створок люка в центре площади собралась толпа. От мысли, что он прибыл сюда лишь вчера, Томас вздрогнул.

Вчера? – подумал он. – *Неужели это было только вчера?*

Кто-то взял его за локоть. Он обернулся и снова увидел Чака.

– Как дела, Салага? – спросил тот.

– Отлично, – ответил Томас, хотя это была чистейшая ложь. Он кивнул на закрывающиеся шахту створки. – Почему все так переполошились? Ведь каждый из вас попал сюда этой же дорогой.

Чак пожал плечами.

– Просто, насколько я знаю, Ящик всегда прибывал четко по расписанию – только один раз в месяц, в один и тот же день. Может быть, те, кто управляют Лабиринтом, решили, что сморозили большую глупость, послав тебя сюда, и теперь отправили кого-то на замену.

Чак ткнул Томаса локтем в бок и совершенно по-детски хихикнул, что, как ни удивительно, вызвало у Томаса еще большую симпатию к мальчишке.

Он посмотрел на нового приятеля нарочито строго.

– Иногда ты просто невыносим. Серьезно говорю.

– Ага, но мы теперь друзья, так ведь? – Теперь Чак аж

захрюкал от смеха.

– Похоже, выбора мне ты не оставляешь.

Томасу и в самом деле был нужен друг, и Чак подходил на эту роль как нельзя лучше.

Мальчишка с довольным видом скрестил руки на груди.

– Рад, что вопрос улажен. В такой дыре каждому нужен приятель.

Томас шутливо схватил Чака за воротник и сказал:

– Хорошо, *приятель*. Тогда будь добр называть меня по имени. Томас! Запомнил? Иначе сброшу тебя в шахту, когда Ящик уедет. – Его вдруг осенило; он отпустил Чака. – Поймай-ка. Вы никогда не...

– Пробовали, – ответил Чак, прежде чем Томас успел договорить.

– Пробовали – что?

– Залезть в Ящик, после того как нам доставили посылку, – сказал Чак. – Не срабатывает. Ящик не тронется с места, пока в нем кто-то есть.

Томас вспомнил, что Алби говорил ему то же самое.

– Я знаю, но что если...

– И это пробовали.

Томас еле сдержался, чтобы не зарычать от досады.

– Черт! Как с тобой трудно говорить. Что именно пробовали?

– Проникнуть внутрь, когда Ящика не было. Облом. Створки открыть можно, но за ними ничего – пустота и кро-

мешная тьма. И никаких тебе тросов. Nada {Ни фига (*исп.*).}!
Спуститься не получится.

Да как такое возможно?

– А если...

– Тоже пробовали.

На этот раз Томас издал громкий недовольный вздох.

– Ну, хорошо. Говори.

– Бросали в шахту разные предметы. Но так и не услышали, чтобы они обо что-то стукнулись. Шахта уходит черт-те на какую глубину.

Томас помолчал, прежде чем заговорить, опасаясь, как бы Чак не оборвал его и на этот раз.

– Ты что, мысли читать умеешь? – спросил он с невозможным сарказмом.

– Просто я очень умный, вот и все, – подмигнул Чак.

– Слушай, Чак. Никогда мне больше так не подмигивай, – недовольно произнес Томас.

Чак действительно немного его раздражал, но все-таки было в мальчишке что-то такое, отчего окружающий мир казался не таким мрачным. Томас глубоко вздохнул и снова перевел взгляд на толпу, окружившую люк.

– А сколько времени занимает подъем Ящика?

– Обычно приезжает через полчаса после сирены.

Томас задумался. Наверняка должно быть что-то, чего они еще не испробовали.

– Ты насчет шахты точно уверен? Вы не пытались... – он

сделал паузу, но на этот раз Чак смолчал. – Вы не пытались сделать веревку?

– Ага. Пытались. Сплели из плюща самую длинную, какую только смогли. Скажем так, эксперимент... не совсем удался.

– В каком смысле?

– Меня тут еще не было, но я слышал, что парень, который вызвался сделать это, не успел спуститься и на десять футов, как снизу что-то вылетело и перерубило его пополам.

– Чего? – засмеялся Томас. – Ни за что не поверю в эту чушь!

– Ты, наверное, считаешь себя самым умным? Я лично видел кости этого бедняги. Его разрезало точно пополам – будто нож взбитые сливки. То, что осталось, выставили на показ в специальном гробу, чтобы другим неповадно было.

Приняв слова Чака за очередную шутку, Томас ожидал, что тот сейчас засмеется или хотя бы улыбнется. Разве можно перерубить человека надвое? Но Чак был серьезен.

– Ты не шутишь?

Чак спокойно посмотрел Томасу в глаза.

– Я не вру, Са... э-э... Томас. Пойдем, глянем, кого к нам забросили. Поверить не могу, что ты пробыл Салагой всего лишь день. Везет же кланкоголовым.

По пути Томас задал еще один мучивший его вопрос.

– А с чего вы взяли, что Ящик привез человека, а не какие-нибудь вещи?

– В таких случаях сирена не воеет, – просто ответил Чак. –

Вещи доставляются раз в неделю в один и тот же час. Эй, глянь-ка!

Чак остановился и показал пальцем на кого-то в толпе. С нескрываемой ненавистью на них смотрел Галли.

– Вот черт, – произнес Чак. – Ты явно пришелся ему не по нраву.

– Ну да, – пробормотал Томас. – Я это успел заметить.

Чак толкнул Томаса локтем, и приятели пошли дальше. Подойдя к остальным ребятам, они остановились и молча стали ждать. Встреча с Галли отбила у Томаса всякую охоту продолжать беседу.

А вот Чак, видимо, не наговорился.

– Почему бы тебе не пойти и не выяснить с ним отношения сразу, не откладывая в долгий ящик? – спросил он, стараясь говорить твердо.

Томасу хотелось верить, что у него хватит смелости подойти к Галли, но сейчас это было бы величайшей глупостью.

– Начнем с того, что у него гораздо больше друзей, чем у меня. Так что Галли – не тот человек, с которым стоит ссориться у всех на виду.

– Верно, но ты куда умнее. Да и шустрее. Я уверен, у тебя хватит сил справиться и с ним, и со всеми его дружками.

Один из подростков, стоящий перед ними, бросил сердитый взгляд через плечо. Должно быть, один из дружков Галли, подумал Томас.

– Помолчи лучше, а? – прошипел он.

За его спиной хлопнула дверь. Томас обернулся – из Хомстеда вышли Алби и Ньют. Оба выглядели очень уставшими.

В памяти всплыла ужасная картина – извивающийся на кровати Бен.

– Дружище, ты должен мне рассказать, что такое Метаморфоза и что они там делали с бедолагой Беном.

Чак пожал плечами.

– Да я, в общем-то, не в курсе. Знаю только, что гриверы что-то такое делают с человеком, отчего он долго мучается. А когда все заканчивается, человек становится... другим.

Томас почувствовал, что у него появился шанс наконец-то получить хоть один внятный ответ.

– Другим? В каком смысле? Каким образом гриверы могут изменить человека? Галли именно это имел в виду, когда говорил про «быть ужаленным гривером»?

Чак приложил палец к губам:

– Тс-с.

От досады Томас хотел сплюнуть, но сдержался. Он твердо решил вернуться к этому разговору позже, захочет Чак того или нет.

Алби и Ньют протиснулись сквозь толпу в самый центр и остановились возле люка, закрытого двумя металлическими створками. В наступившей тишине Томас расслышал скрежет и гроыхание поднимавшегося лифта и вспомнил собственное кошмарное путешествие накануне. Ему стало неприятно, словно он заново переживал ужасные минуты

после пробуждения во мраке кабины. Кто бы ни находился сейчас в Ящике, Томас искренне ему сочувствовал, понимая, через какие испытания тот проходит.

Раздался приглушенный удар: лифт прибыл.

Сгорая от нетерпения, Томас наблюдал, как Ньют и Алби заняли позиции на противоположных сторонах люка, взялись за простые ручки в виде крючков, закрепленные на каждой из створок, и одновременно потянули их в стороны. С гулким грохотом створки упали на землю, подняв в воздух клубы пыли.

Воцарилось напряженное молчание. Откуда-то издалека донеслось блеяние козы. Томас подался вперед, насколько было возможно, стараясь увидеть того, кто находился в кабине.

Ньют наклонился, чтобы лучше разглядеть новичка. Внезапно он резко выпрямился; на его лице читалось изумление.

– Господи... – выдохнул он, дико озираясь по сторонам.

Реакция Алби, успевшего к этому времени тоже заглянуть в кабину, была похожей.

– Не может быть... – пробормотал он, словно в трансе.

Толпа оживленно загомонила и ринулась к небольшому отверстию люка. *Что такого они там увидели*, – удивился Томас. – *Что там?!* В душу закрался противный страх: чувство было похоже на то, которое он пережил утром при виде таинственного свечения в окне.

– Не подходите! – громко приказал Алби. – Отойдите на-

зад!

– Кто там? – крикнули в толпе.

Алби выпрямился.

– Два новичка за два дня, – еле слышно прошептал он. – И теперь еще это... Два года никаких изменений, и вот – пожалуйста...

Тут он почему-то посмотрел на Томаса.

– Что происходит, Шнурок?

– А мне откуда знать? – ответил Томас, смущенно глядя на Алби.

Лицо залил румянец, а в животе неприятно заныло.

– Почему бы тебе просто не сказать нам, что за шанк сидит там внизу? – крикнул Галли.

При этих словах подростки зашумели и снова подались вперед.

– Заткнитесь, шанки! – заревел Алби. – Ньют, скажи им!..

Ньют еще раз заглянул в Ящик, затем повернулся к толпе.

– Там девчонка, – мрачно произнес он.

Все возбужденно загалдели; до слуха Томаса доносились лишь отдельные отрывки фраз:

– Девчонка?!..

– Чур, моя будет!

– Как она на вид?

– Сколько ей лет?

Томас был в полнейшем замешательстве. *Девчонка?..* До этого момента он почему-то не задумывался, почему в Глэй-

де жили только парни. Впрочем, пока у него не было времени особо над этим задумываться. *Кто она? Почему...*

Ньют жестом призвал толпу к тишине.

– Но это еще не все, блин, – сказал он и кивнул в сторону Ящика. – Кажется, она умерла.

* * *

Чтобы извлечь тело девушки из Ящика, Алби и Ньют спустились вниз по веревкам, сплетенным из стеблей плюща. Толпа притихла. Глэйдеры с серьезными лицами переминались с ноги на ногу, изредка о чем-то негромко переговариваясь. Никто из окружающих не признавался, что ему не терпится посмотреть на девушку, но Томас был уверен, что они сгорали от любопытства не меньше него.

Галли был среди тех, кто держал веревки, чтобы вытащить из Ящика Алби, Ньюта и труп. Томас присмотрелся к нему внимательнее: глаза парня заволакивала темная пелена, и в них читалось какое-то очень нездоровое возбуждение. Глядя на него, Томас ощутил, что начинает опасаться Галли еще сильнее, чем всего минутой раньше.

Из глубины шахты послышался крик Алби, и Галли с несколькими подростками принялись с усилием тащить веревку. Несколько мгновений спустя безжизненное тело девушки извлекли из кабины и положили на землю. Глэйдеры мгновенно ринулись вперед, окружив труп плотным коль-

цом. Напряжение, висевшее в воздухе, казалось буквально осязаемым. Томас остался стоять на месте. От наступившей гнетущей тишины у него по спине поползли мурашки, словно они только что раскопали свежую могилу.

Несмотря на любопытство, он не стал продираться сквозь толпу поближе к телу девушки – слишком плотным было скопление народа. Но перед тем как ему заслонили обзор, Томас все-таки успел краем глаза увидеть неизвестную: она была худощавой и довольно высокой – пять с половиной футов ростом, насколько он мог судить. На вид лет пятнадцать-шестнадцать. Но что его поразило больше всего, так это ее кожа – светлая, почти белая, словно жемчуг; и по контрасту – иссиня-черные волосы.

Выбравшись из шахты, Ньют и Алби протиснулись сквозь толпу к трупу и исчезли из поля зрения Томаса. Но спустя буквально несколько мгновений подростки неожиданно расступились, и в образовавшемся просвете Томас увидел Ньюта, который указывал на него пальцем.

– Подойди сюда, Шнурок! – крикнул он грубо.

Сердце у Томаса подпрыгнуло к самому горлу, ладони вспотели. Чего они от него хотят?.. Похоже, ситуация приняла все более нежелательный оборот. Усилием воли Томас заставил себя шагнуть вперед, стараясь держаться непринужденно, но при этом не выглядеть так, словно он в чем-то виноват.

Успокойся, ты ничего плохого не сделал!

Однако его не покидало странное чувство, будто он мог стать причиной неприятностей, сам того не осознавая.

Глэйдеры расступились. Пока Томас шел по образовавшемуся проходу, они сверлили его злобными взглядами, словно он нес личную ответственность за все происходящее – за Лабиринт, за Глэйд, за гриверов. Томас старался не смотреть по сторонам.

Он подошел к Ньюту и Алби, которые склонились над телом девушки. Чтобы не встречаться с ними глазами, Томас сосредоточил внимание на незнакомке. Да, она была красива. Более того – прекрасна. Шелковистые волосы, бархатистая кожа, губы идеальной формы, стройные ноги... Оценивать внешность мертвого человека было очень неприятно, но он не мог отвести взгляда от девушки. Долго она не будет так выглядеть, пронеслось в голове у Томаса, и по телу пробежал холодок. Скоро начнется процесс гниения...

Его передернуло.

– Ты знаешь эту девчонку, шанк? – раздраженно спросил Алби.

Томас меньше всего ожидал подобного вопроса.

– Знаю ее? Разумеется, нет! Я вообще никого, кроме вас, не знаю...

– Не в этом смысле... – начал Алби, но тут же запнулся, подбирая слова. – Ну, в смысле... она тебе *кажется* знакомой? Есть такое чувство, будто ты видел ее раньше?

– Нет. Абсолютно, – покачал головой Томас, глядя то под

ноги, то снова на девушку.

Алби поморщился.

– Ты уверен?

Судя по сердитому выражению лица Алби, он не верил ни единому слову Томаса.

Да с чего он решил, что я имею к этому какое-то отношение? – раздраженно подумал Томас. Он выдержал взгляд Алби и ответил единственно возможным образом:

– Да, уверен. А что?

– Проклятье, – проворчал Алби, оглядываясь на девушку. – Совпадения быть не может. Два дня и два новичка. Один живой, другой – мертвый.

Только сейчас Томас начал понимать, к чему клонит Алби, и обомлел от ужаса.

– Да ты что...

Слова застряли у него в горле.

– Расслабься, Шнурок, – сказал Ньют. – Никто не говорит, что ты прикончил девчонку.

Голова у Томаса пошла кругом. Он был уверен, что никогда прежде ее не видел, но почему-то теперь в душу стали закрадываться сомнения.

– Я клянусь, что она мне совершенно незнакома...

– А ты...

Ньют поперхнулся и умолк: девушка вдруг резко дернулась и села. Хватая ртом воздух, она часто заморгала и принялась крутить головой, дико глядя на обступивших ее лю-

дей. Алби вскрикнул и повалился на спину, Ньют испуганно ахнул и отскочил назад. Томас не двинулся с места, парализованный страхом, и продолжал, словно замороженный, смотреть на то, что только что считалось трупом.

Горящие голубые глаза девушки были широко открыты, рот жадно хватал воздух. Потом она попыталась что-то сказать, но слов разобрать было нельзя.

И вдруг девушка замерла, а потом внятно произнесла глухим, каким-то замогильным голосом одну-единственную фразу:

– Скоро все изменится.

Томас с изумлением наблюдал, как после этого девушка закатила глаза, повалилась на спину и затихла. При этом ее согнутая в локте правая рука взметнулась вверх и застыла, указывая в небо. В кулаке был зажат сложенный лист бумаги.

Томас попытался сглотнуть, но в горле пересохло. Подскочил Ньют и с трудом вытащил листок из стиснутых пальцев бывшего трупа. Дрожащими руками он развернул записку и, встав на колени, расправил ее на земле. Томас подошел поближе и заглянул Н్యуту через плечо.

На листке жирными черными буквами небрежным почерком было написано всего два слова: «*Она последняя*».

Глава девятая

Повисла странная тишина, словно над Глэйдом пронесся ветер и вымел все звуки. Для тех, кто не мог увидеть записку, Ньют прочитал ее содержимое вслух, однако никаких криков, возгласов или вопросов, которые ожидал услышать Томас, не последовало – глэйдеры, не произнося ни слова, ошеломленно смотрели на девушку. Она лежала на земле и выглядела так, будто спала: грудь поднималась и опускалась в такт едва уловимому дыханию. Судя по всему, девушка, оказывается, не умерла и вовсе не собиралась этого делать.

Ньют поднялся. Томас ожидал, что он начнет успокаивать всех, даст какое-то более или менее разумное объяснение происходящему, но тот лишь скомкал записку, сжав кулаки с такой силой, что на них проступили вены. Сердце Томаса оборвалось. На душе сделалось совсем скверно.

– Медаки! – крикнул Алби, сложив ладони рупором.

Томас не успел подумать, что значит это слово – он слышал его однажды, – как кто-то с силой отпихнул его в сторону: два подростка постарше продирались сквозь толпу зевак. Один высокий, со стрижкой ежиком и носом размером с крупный лимон, другой – маленький, черноволосый, с первыми признаками седины на висках. Томас решил, что их появление внесет хоть какую-то ясность в происходящее.

– Ну и что нам с ней делать? – спросил тот, что повыше,

неожиданно высоким голосом.

– А я откуда знаю? – бросил Алби. – Вы у нас тут медаки, вот вы и думайте.

Медаки, – мысленно повторил Томас, начиная догадываться о значении слова. – *Скорее всего, это что-то вроде врачей.*

Невысокий медак склонился над девушкой, проверил ее пульс и, прижав ухо к груди, послушал биение сердца.

– А кто сказал, что Клинт должен первый к ней клеиться? – сострил кто-то в толпе. Несколько человек громко рассмеялись.

– Я – следующий! – раздался чей-то выкрик.

Как они могут шутить в такой ситуации? – возмутился Томас. – *Девушка чуть не умерла.* Он почувствовал отвращение.

Глаза Алби сузились, а рот перекосила недобрая усмешка, не предвещавшая ничего хорошего.

– Если хоть кто-нибудь прикоснется к ней – отправится ночевать к гриверам в Лабиринт, – сказал Алби. Он сделал паузу, медленно обводя взглядом окружающих, слово хотел заглянуть в глаза каждому. – Повторяю: никто ее не тронет!

Первый раз Томасу понравилось сказанное Алби.

Невысокий парень, которого звали Клинтом – если выкрикнувший его имя не ошибался, – завершил беглый медицинский осмотр и встал.

– Она вроде в порядке. Дыхание и пульс в норме. Правда,

немного замедленные. Физически она так же здорова, как ты и я, но, видать, в коме. Джеф, давай-ка отнесем ее в Хомстед.

Джеф взял девушку за руки, а его напарник Клинт ухватил за ноги. Томас хотел как-то помочь – с каждой секундой он все сильнее сомневался в том, что не видел ее раньше. Она действительно казалась ему странно знакомой, он чувствовал с девушкой какую-то невидимую связь, хоть и не мог объяснить – какую. Подумав об этом, Томас нервно оглянулся, словно посторонние могли подслушать его мысли.

– На счет «три», – скомандовал Джеф. Его высокая, согнутая пополам фигура выглядела довольно нелепо. – Раз... два... три!

Они рывком подняли незнакомку с земли и почти подбросили в воздух – девушка, очевидно, оказалась куда легче, чем они предполагали, – и Томас еле сдержался, чтобы не заорать на них.

– Думаю, придется понаблюдать за ней какое-то время, – произнес Джеф, ни к кому особенно не обращаясь. – Если быстро не очухается, начнем кормить ее бульоном.

– Позаботьтесь о ней, – сказал Ньют. – Что-то в девчонке особенное. Иначе ее бы сюда не прислали.

У Томаса засосало под ложечкой. Он уже не сомневался, что как-то связан с девушкой. Они прибыли сюда с разницей в один день, ее лицо показалось ему знакомым, и, несмотря на все ужасное, что Томас узнал о Лабиринте, он испытывал необъяснимую потребность стать бегуном... Что все это

могло значить?

Перед тем как медаки понесли девушку в Хомстед, Алби еще раз внимательно всмотрелся в ее лицо.

– Положите девчонку в соседней с Беном комнате и глаз с нее не спускайте! Обо всех изменениях немедленно сообщать мне. И не важно, что произойдет – обделается она или начнет говорить во сне. Сразу доложите!

– Хорошо, – буркнул Джеф, и они с Клинтом понесли девушку в Хомстед. Ее тело безжизненно раскачивалось.

Когда медаки ушли, толпа начала расходиться, на ходу обсуждая ситуацию и выдвигая все новые и новые предположения относительно произошедшего.

Томас рассеянно наблюдал за ними, погружившись в раздумья. О его необъяснимой связи с девушкой подозревал не он один. Неприкрытые намеки по поводу того, что Томас имеет к девушке какое-то отношение, свидетельствовали о том, что глэйдеры явно о чем-то догадывались, но вот о чем? Мало того, что он и так ничего не понимал, так теперь еще и эти обвинения... На душе сделалось совсем гадко. Словно прочитав его мысли, к нему подошел Алби и схватил за плечо.

– Ты уверен, что никогда ее раньше не видел? – спросил он.

Томас помедлил, прежде чем ответить.

– Нет... скорее, я не помню, – ответил он осторожно.

Интересно, а если он и вправду ее знал? Что бы это могло

значить?

– Уверен? – допытывался Ньют, остановившийся рядом с Алби.

– Я... нет, не думаю. Чего ты ко мне пристал? И так тошно...

Сейчас Томасу хотелось лишь одного – чтобы поскорее наступила ночь и он смог бы остаться в одиночестве и заснуть.

Алби покачал головой, отпустил Томаса и повернулся к Ньюту.

– Что-то тут не так. Созывай Совет.

Он произнес это так тихо, что окружающие наверняка его не услышали, но в приказе слышалось что-то зловещее.

Алби и Ньют ушли, и Томас с радостью заметил, что к нему направляется Чак.

– Послушай, а что такое Совет?

Чак напыжился.

– Это когда собираются кураторы, – с важным видом сказал он. – Собrania проводятся очень редко – когда происходит что-то очень необычное или трагическое.

– Думаю, сегодняшнее событие подпадает под оба определения. – Урчание в желудке прервало поток мыслей. – Кстати, можно где-нибудь раздобыть чего-нибудь пожевать? А то утром я толком и не позавтракал. Умираю от голода.

Чак удивленно поднял брови.

– При виде этой полудохлой цыпочки в тебе проснулся

голод? Да ты еще больший псих, чем я думал.

– Просто раздобудь поесть, хорошо? – вздохнул Томас.

Несмотря на скромные размеры кухни, она была укомплектована всем необходимым, чтобы приготовить полноценный обед. Тут имелись: большая плита, микроволновая печь, посудомоечная машина и два стола. Оборудование выглядело старым и изношенным, однако содержалось в идеальной чистоте. При виде кухонной утвари и привычной обстановки Томас вдруг почувствовал, что воспоминания, настоящие и цельные воспоминания, вот-вот вернуться к нему. Но важнейшие элементы – лица, имена, места и события, – по-прежнему отсутствовали. Все это буквально сводило с ума.

– Садись, – сказал Чак. – Я тебе что-нибудь принесу, но клянусь – в последний раз. Хорошо, что Фрайпана сейчас нет – он терпеть не может, когда мы суемся в его холодильник.

Томас был рад, что они остались одни. Пока Чак гремел посудой, доставая еду из холодильника, он выдвинул из-под небольшого пластикового стола деревянный стул и сел.

– Кошмар какой-то. Нас отправили сюда какие-то злодеи. Поверить не могу, что это на самом деле происходит...

– Перестань ныть. Просто прими как есть и не думай об этом, – отозвался Чак после небольшой паузы.

– Да, ты прав.

Томас посмотрел в окно. Похоже, сейчас наступил удач-

ный момент, чтобы найти ответ хотя бы на один из миллиона вопросов, вертевшихся у него в голове.

– Откуда здесь электричество?

– А кого это волнует? Мне лично все равно.

Опять скрывает, – с досадой подумал Томас.

Чак поставил на стол две тарелки: на одной лежали сэндвичи с пышным белым хлебом, на другой – аппетитно блестящая ярко-оранжевая морковь. В животе снова заурчало, поэтому Томас схватил один из сэндвичей и жадно принялся его уплетать.

– Потрясающе, – прочавкал он с набитым ртом. – По крайней мере, еда здесь отменная.

Несмотря на странность всего окружающего, он вдруг снова почувствовал умиротворение. К счастью, Чак не горел желанием вступить в беседу, поэтому Томас спокойно пообедал в тишине, за что остался очень благодарен мальчишке.

Подкрепившись, он собрался с мыслями и решил, что с этого момента перестанет хныкать и начнет действовать.

Проглотив последний кусок сэндвича, Томас откинулся на спинку стула.

– Слушай, Чак, – начал он, вытирая губы салфеткой, – а что надо сделать, чтобы стать бегуном?

Чак поднял глаза от тарелки, с которой подбирал последние крошки, и громко отрыгнул. Томас невольно поморщился.

– Только снова не начинай!

– Алби сказал, что скоро я начну заниматься с разными кураторами. Как думаешь, когда я смогу попробовать себя в качестве бегуна?

Томас ждал от Чака толкового ответа, но тот лишь картинно закатил глаза, давая понять, что более идиотского желания и придумать нельзя.

– Они вернутся через несколько часов. Вот прямо у них и спросишь.

Томас решил не обращать внимания на иронию.

– Что они делают, когда возвращаются из Лабиринта? Что находится в той бетонной будке?

– Карты. Они собираются там сразу после возвращения, чтобы ничего не забыть.

– Карты? – Томас не поверил своим ушам. – Если они пытаются создать карту, что мешает им взять с собой бумагу и делать это прямо в Лабиринте?

Карты... Это заинтриговало его сильнее, нежели все остальное, о чем довелось услышать в последнее время. Впервые он услышал о чем-то, что могло помочь выбраться из заточения.

– Конечно же, они так и делают, но есть еще много всяких вещей, которые им нужно обсудить и проанализировать. К тому же, – Чак опять закатил глаза, – они почти все время *бегают*, а не рисуют. Потому и называются «бегунами»!

Томас задумался. Неужели Лабиринт настолько огромен, что за два года они так и не смогли найти из него выход?

Это казалось невероятным. Но он вспомнил, как Алби что-то говорил про перемещающиеся стены. Что, если глэйдеры приговорены провести здесь весь остаток жизни?

Приговорены.

Слово вызвало панический ужас, и огонек надежды, зародившийся в нем после сытного обеда, моментально угас.

– Чак, а вдруг мы все – преступники? Какие-нибудь убийцы или вроде того...

– Чего?.. – Чак посмотрел на него как на сумасшедшего. – Откуда такие бредовые мысли?

– Сам посуди: нам стерли память, мы живем в месте, из которого невозможно сбежать, а территорию вокруг охраняют кровожадные монстры. Тебе это не напоминает тюрьму?

Теперь, когда Томас озвучил свою теорию вслух, она показалась еще более правдоподобной. Сердце у него екнуло.

– Чувак, мне примерно двенадцать лет. – Чак ткнул себя в грудь. – Максимум – тринадцать. Ты правда думаешь, что я совершил преступление, за которое меня могли бросить в тюрьму до конца жизни?

– Да какая разница, совершил или нет! Так или иначе, ты в заточении! Или ты считаешь, что оказался в летнем лагере?

Господи, – думал Томас. – Хотел бы я ошибаться.

Чак помолчал, затем произнес:

– Не знаю. По крайней мере, это лучше, чем...

– Да, я уже слышал! Лучше, чем жить в куче кланка!

Томас встал и задвинул стул назад под стол. Пусть Чак

и был ему симпатичен, но любые попытки завязать с ним более или менее нормальный разговор заканчивались ничем и только злили.

– Можешь сделать себе еще один сэндвич, а я пойду на разведку. Увидимся.

Он быстро выскочил из кухни во двор, не давая Чаку возможности увязаться за собой. Глэйд снова принял обычный вид – люк был закрыт, подростки вернулись к своим делам, а в небе по-прежнему светило солнце. Никаких следов появления странной девицы, доставившей зловещую записку, не осталось.

Так как утренняя экскурсия была прервана, Томас решил самостоятельно пройтись по Глэйду, рассмотреть его как следует и, что называется, прочувствовать дух места. Сначала он направился в северо-восточный угол, к длинным рядам высоких кукурузных стеблей, с которых уже можно было снимать урожай. Неподалеку росли томаты, салат, горох и какие-то незнакомые Томасу растения.

Он глубоко втянул носом воздух, наслаждаясь запахами земли и травы. Томас надеялся, что запахи пробудят хоть какие-то воспоминания, однако этого не произошло. Подойдя ближе к огородам, он увидел нескольких парней, которые пололи и рыхлили грядки. Один из них, улыбаясь, махнул ему рукой, и улыбка была искренней.

Может, здесь не так уж и плохо, подумал Томас. Не все же тут сволочи. Он еще раз глубоко вдохнул приятный аромат

и пошел дальше – ему хотелось посмотреть многое.

Он направился к юго-восточному углу Глэйда, где в небрежно сколоченных деревянных загонах содержались коровы, овцы и свиньи. И ни одной лошади. Хреново. Толку от наездников было бы куда больше, чем от бегунов. Когда Томас приблизился к ферме, то подумал, что в прежней жизни он, вероятно, имел дело с животными. И запахи, и звуки казались ему очень знакомыми.

Запах фермы, конечно, был не так приятен, как аромат растений, но Томас посчитал, что могло быть и хуже. Исследуя Глэйд, он все больше поражался умению местных жителей вести хозяйство и сохранять среду обитания в идеальной чистоте. Его впечатлило, насколько организованными они, очевидно, были и как упорно сообща трудились. Можно себе представить, в какое отвратительное место превратился бы Глэйд, если бы все вдруг поглупели и обленились.

Наконец он оказался в юго-западном углу, неподалеку от роши.

Томас как раз приближался к редким хилым деревцам, стоящим на самой границе, за которыми начинались густые заросли, когда уловил под ногами едва различимое движение, сопровождающееся шелкающим звуком. От неожиданности он вздрогнул. Диковинное существо, отдаленно напоминающее игрушечную крысу, промелькнуло мимо него и, сверкнув на солнце стальным блеском, устремилось в сторону деревьев. Когда существо отбежало от Томаса футов на

тридцать, он сообразил, что это была вовсе не крыса, а скорее ящерица, только на шести лапках.

Жук-стукач, осенило Томаса. «*С их помощью за нами наблюдают*» – вспомнил он слова Алби.

Глядя вслед убегающему существу, Томас заметил, что тот отбрасывал перед собой на землю красноватый свет, вероятно, исходящий из глаз. И еще Томас мог поклясться, что на покатой спине жука большими зелеными буквами было написано «*ЭТО ПОРОК*», хотя логика подсказывала: разум просто решил сыграть с ним злую шутку.

Решив во что бы то ни стало разгадать загадку, он помчался вслед за жуком-шпионом и спустя всего несколько секунд оказался во мраке под сенью густых деревьев.

Глава десятая

Томас поразился внезапно обступившей его темноте. Со стороны лес выглядел не таким уж большим – пара акров, не больше. Однако высокие толстые деревья росли настолько плотно друг к другу, что сквозь густые кроны свет почти не проникал. Воздух в роще, казалось, имел легкий зеленоватый оттенок, словно на Глэйд внезапно опустились густые сумерки. Зрелище завораживало красотой и таинственностью одновременно.

Стараясь двигаться максимально проворно, Томас все глубже заходил в непролазные заросли. Тонкие ветки хлестали его по лицу, а под ногами шуршал толстый слой опавшей листвы и валежника. Чтобы пройти под здоровенными ветвями, приходилось пригибаться чуть ли не до самой земли, хватаясь за них руками, чтобы удержать равновесие.

Все это время взгляд Томаса был прикован к убегающему жуку-стукачу. И чем дальше жук углублялся в темную лесную чащу, тем ярче становились красноватые огоньки.

Когда юноша пробежал сто или сто пятьдесят футов, уклоняясь от сучьев, пригибаясь и то и дело падая на землю, жук прыгнул на самое толстое дерево и быстро вскарабкался вверх по стволу. Но когда Томас добежал до дерева, жук пропал из виду. Он бесследно исчез в густой кроне, словно его и не было.

Томас его упустил.

– Маленький ушмарок, – прошептал юноша, невольно улыбнувшись.

Как ни странно, выражение сорвалось с губ совершенно естественно, словно он уже становился глэйдером.

Где-то справа хрустнула ветка, и он резко повернул голову на звук. Затаив дыхание, Томас продолжал прислушиваться. Снова что-то хрустнуло – на этот раз громче, будто кто-то переломил о колено толстую палку.

– Кто здесь? – крикнул юноша, начиная нервничать.

Голос отразился от листвы и разнесся эхом по лесу. Томас стоял неподвижно, словно прирос к земле. Эхо стихло: наступила тишина, нарушаемая лишь отдаленным щебетанием птиц. Ответа не последовало. Как и нового хруста веток.

Не слишком задумываясь над тем, что делает, Томас пошел на источник звука. Нисколько не пытаясь скрыть свое продвижение, он двигался вперед, с шумом раздвигая ветки, которые, пружиня, тут же возвращались обратно. Он прищурился – глаза с трудом привыкали к нарастающей темноте, – и пожалел, что нет фонаря. Мысль о фонаре вернула его к размышлениям о потере памяти. Он снова вспомнил предмет из прошлого, но не мог соотнести его с местом, временем, событием или людьми. Невыносимо.

– Тут есть кто-нибудь?.. – снова позвал Томас. Он немного успокоился, отметив, что странные звуки больше не повторялись. Наверное, шорох произвело какое-то животное,

а может, другой жук-стукач.

На всякий случай он снова крикнул:

– Это я! Томас! Новичок! Вернее, предпоследний новичок...

Томас поморщился и покачал головой, надеясь, что никто его не услышал. Сейчас он себя вел как последний идиот.

Снова тишина.

Он обошел толстый ствол раскидистого дуба и остановился как вкопанный – впереди было кладбище. По коже пробежали мурашки.

Небольшая полянка была покрыта густыми зарослями бубряна. Из земли тут и там торчали простые деревянные кресты, горизонтальные перекладыны которых были примотаны к столбам полусгнившими от времени веревками. Могильные кресты были выкрашены белым, но, видимо, в большой спешке – в некоторых местах дерево было не покрашено вовсе. На крестах были вырезаны имена умерших.

Томас нерешительно подошел к ближайшей могиле и присел, чтобы рассмотреть, кто в ней похоронен. Здесь было настолько темно, что юноше казалось, будто он глядит через черную пелену дыма. Птицы притихли, словно отправились на ночевку, и даже жужжание насекомых было едва слышно. Только теперь Томас заметил, насколько влажен лесной воздух – на лбу и тыльных сторонах ладоней выступили крупные бусинки пота.

Он наклонился к кресту, установленному, очевидно, со-

всем недавно. На нем значилось имя – «Стивен». Вырезавший имя, видимо, не рассчитал, сколько места нужно для надписи: буква «н» была очень маленькой и едва умещалась на самом краю.

Стивен, размышлял Томас. Ему вдруг стало жалко умершего. Что с тобой случилось? Может, Чак надоел тебе до смерти?..

Он встал и пошел к соседнему кресту, почти полностью скрытому в зарослях. Могила выглядела самой старой, земля на ней была твердой как камень. Кто бы тут ни покоем, он явно был одним из первых умерших.

Хозяина могилы звали Джордж.

Томас посмотрел вокруг: тут находилась еще пара десятков могил, две из которых выглядели такими же свежими, как и первая. Внезапно внимание Томаса привлек серебристый отблеск, не очень похожий на сверкание жука, но не менее странный. Юноша пошел через кладбище и оказался у могилы, прикрытой то ли пластиком, то ли стеклом с грязными краями. Он попытался рассмотреть, что находится внутри, а когда понял, с ужасом отшатнулся. Это было что-то вроде окошка на могиле, в которой лежали полуистлевшие останки человека.

Любопытство пересилило отвращение, и Томас наклонился, чтобы рассмотреть могилу получше. Она была раза в два меньше обычной, и неудивительно: в ней находилась только верхняя половина покойника. В памяти всплыл рассказ Ча-

ка о том, как один смельчак попытался спуститься в пустую шахту, но был перерублен пополам чем-то, прилетевшим из глубины. На стекле Томас едва смог различить нацарапанную надпись. Она гласила:

Пусть полушанк служит предупреждением каждому: через шахту Ящика сбежать не получится.

Странное дело, но Томас чуть не рассмеялся – слишком уж неправдоподобной казалась история. Впрочем, он тут же мысленно отругал себя за несерьезность. Покачав головой, юноша направился читать надписи на других могилах, но тут прямо перед ним, за деревьями на противоположной стороне кладбища, снова раздался хруст ломающейся ветки.

Затем еще один. И еще. Все ближе и ближе. В сумраке леса невозможно было ничего разглядеть.

– Кто здесь?! – крикнул Томас дрожащим голосом. Отзвуки эха были такими, словно он находился в тоннеле. – Знаешь, это совсем не смешно!..

Неприятно признаваться самому себе, что испугался до смерти.

Тот, кто скрывался за деревьями, не ответил и, отбросив всякие попытки скрыть свое присутствие, побежал, с шумом продираясь сквозь лесную чащу. Томас окаменел от ужаса, поняв, что кто-то, огибая кладбище, направляется прямо к нему. Когда, судя по звуку, бегущий находился от него всего в нескольких футах, в тени деревьев Томас мельком увидел

сухощавого парня, который бежал, странно подпрыгивая.

– Какого черт...

Неизвестный выскочил из леса прежде, чем Томас успел закончить фразу. Он успел лишь увидеть похожую на привидение фигуру с бледной кожей и огромными глазами. Томас закричал и попытался убежать, но было поздно. Призрачная фигура подпрыгнула в воздух и навалилась на него сверху, вцепившись в плечи мертвой хваткой. Томас повалился на землю, в падении задел чей-то могильный крест, поломав его надвое, и разодрал себе спину.

Он изворачивался и изо всей силы бил напавшего, но тот, очевидно, не собирался сдаваться и снова атаковал Томаса. Совершенно бледный, костлявый, клацающий зубами, напавший выглядел как чудовище из кошмарного сна, но Томас понимал, что имеет дело с человеком – правда, абсолютно обезумевшим.

Неизвестный сильно укусил его за плечо, и Томас заорал от боли; выброс адреналина придал ему сил – он уперся ладонями в грудь нависающему над ним парню и с силой оттолкнул от себя. Противник опрокинулся назад, сокрушив при этом могильный крест – тот издал резкий треск.

Томас встал на четвереньки, жадно глотая воздух. Лишь теперь он смог хорошо рассмотреть напавшего на него безумца.

Это был Бен – парень, пострадавший от гривера.

Глава одиннадцатая

По-видимому, Бен не вполне восстановился, так как выглядел почти таким же, каким Томас видел его в Хомстеде. Сейчас на нем были только шорты. Белая кожа, обтягивающая костлявое тело, напоминала бумагу, которой плотно обернули пучок хвороста, на теле пульсировали зеленые раздутые вены, хотя выступали они немного меньше, чем сутками ранее. Налитые кровью глаза смотрели на Томаса так, словно Бен собирался перегрызть ему глотку.

Бен присел, готовясь снова броситься в драку. Внезапно в его правой руке появился нож. Томас оцепенел от ужаса, не веря, что это происходит на самом деле.

– Бен!..

Томас резко повернулся на голос и увидел Алби – тот стоял на краю кладбища в полумраке леса и был здорово похож на привидение. Томас с облегчением заметил, что Алби держит большой лук и, натянув тетиву, целится прямо в Бена.

– Бен, – повторил Алби, – если немедленно не уймешься, ты – труп!

Томас перевел взгляд на нападавшего – тот со злостью глядел на Алби, облизывая пересохшие губы. Что с ним произошло? Парень превратился в настоящего монстра, но почему?

– Если убьешь меня, то убьешь не того! – взвизгнул Бен,

брызгая слюной с такой силой, что она долетела до лица Томаса. – Ты должен прикончить этого шанка!..

Его голос был полон безумия.

– Кончай душить, Бен, – спокойно произнес Алби, продолжая держать его на прицеле. – Томас у нас появился только что, так что не о чем волноваться. Ты просто еще не очухался от Метаморфозы. Будет лучше, если ты вернешься в Хомстед.

– Он чужак! – закричал Бен. – Я видел его! Он... он – враг! Мы обязаны его прикончить! Позволь мне выпустить ему кишки!

Услышав такое, Томас инстинктивно попятился. Интересно, что Бен имел в виду, когда сказал, что *видел* Томаса? И с чего он взял, что Томас – враг?..

Алби не шелохнулся, продолжая целиться в Бена.

– Такие вопросы решать мне и кураторам, утырок стебанутый. – Алби держал лук настолько твердо, словно опирался рукой о дерево. – Успокойся и тащи свою костлявую задницу назад в Хомстед!

– Он хочет вернуть нас домой! – крикнул Бен. – Он хочет вывести нас из Лабиринта! Уж лучше сразу прыгнуть с Обрыва или перерезать друг друга!

– О чем ты говоришь? – оторопел Томас.

– Заткнись! – заорал Бен. – Захлопни свой поганый рот, предатель!

– Бен, – тихо произнес Алби. – Я считаю до трех.

– Он – враг! Враг, враг, враг... – словно заклинание, зашептал Бен.

Неотрывно глядя на Томаса, он медленно покачивался взад-вперед, перекладывая нож из одной руки в другую.

– Раз.

– Враг, враг, враг, враг...

Теперь Бен улыбался. В сумраке леса его зубы, казалось, испускали тусклое зеленоватое свечение.

Томасу хотелось отвернуться, вскочить и убежать, но, парализованный страхом, он был не в силах сдвинуться с места.

– Два.

Голос Алби прозвучал громче и более угрожающе.

– Бен, – произнес Томас, пытаясь как-то уладить конфликт. – Я не... Я вообще не знаю, что...

Бен издал дикий вопль и бросился вперед, замахнувшись ножом.

– Три!.. – крикнул Алби и спустил туго натянутую тетиву.

Воздух прорезал свист выпущенной стрелы, и ее наконечник с отвратительным чавкающим звуком вонзился в живую плоть.

Голова Бена резко дернулась влево. Развернувшись, он пошатнулся и рухнул на живот – ногами к Томасу, – не издав ни звука. Томас вскочил и сделал несколько шагов вперед. Длинный черенок стрелы торчал у Бена из щеки. На удивление, крови было гораздо меньше, чем можно было ожидать,

но она все-таки вытекала, и в сумраке леса выглядела черной, как нефть. Бен лежал неподвижно, лишь палец на его правой руке продолжал конвульсивно подергиваться. Томаса чуть не вырвало. Неужели Бен погиб из-за него? Неужели он виноват в его гибели?..

– Пойдем, – сказал Алби. – Чистильщики завтра о нем позаботятся.

Что здесь вообще произошло?! – думал Томас, глядя на бездыханное тело. – Что я такого сделал этому парню?!

Он оторвал взгляд от тела, надеясь получить ответы, но Алби уже исчез, и лишь качающаяся ветка дерева указывала на то, что он только что был здесь.

Томас, прихрамывая, вышел из леса под ослепительные лучи солнца и зажмурился. Нестерпимо болела лодыжка, хотя он и не заметил, в какой момент ее повредил. Одной рукой он прижимал место, в которое его укусил Бен, другой держался за живот, словно хотел подавить подступающий позыв к рвоте. Перед глазами стояла жуткая картина: неуклюже лежащий Бен с вывернутой под неестественным углом головой, по стреле стекает кровь и, собираясь на кончике, капает на землю.

Все, хватит.

Он опустился на колени под одним из тощих деревьев на опушке леса, и его стошнило. Томаса все рвало и рвало до тех пор, пока он не стал отплевываться желчью. Выворачи-

вало наизнанку: казалось, приступ никогда не закончится.

И в этот момент, словно разум решил сыграть с ним злую шутку, Томас вдруг осознал, что находится в Глэйде почти двадцать четыре часа. Один полный день. Ни больше, ни меньше. В голове пронеслось все, что с ним произошло за это время. Все жуткие события.

И пришла уверенность: самое худшее уже произошло и дальше жизнь просто обязана наладиться.

Ночью Томас лежал, уставившись в усыпанное звездами небо, и гадал, сможет ли вообще когда-нибудь заснуть. Стоило ему смежить веки, и в памяти всплывал страшный образ Бена, бросающегося на него с перекошенным от бешенства лицом. Но независимо от того, закрывал или открывал Томас глаза, он продолжал слышать звук стрелы, вонзающейся в щеку Бена.

Юноша был уверен, что те пять минут на кладбище будет помнить до конца своих дней.

– Скажи что-нибудь, – обратился к нему Чак в пятый раз с тех пор, как они залезли в спальные мешки.

– Не хочу, – снова повторил Томас.

– Все знают, что произошло. Пару раз такое уже бывало. У покусанных гриверами иногда едет крыша, и они накидываются на окружающих. Так что ты не исключение.

Впервые Томас подумал, что Чак стал не просто назойливым, а почти невыносимым.

– Чак, радуйся, что сейчас у меня нет в руках лука Алби.

– Я всего лишь...

– Чак, замолчи и спи.

Томас почувствовал: еще немного, и он взорвется.

Наконец его «приятель» уснул, присоединившись к хору подростков, оглашавших Глэйд храпом.

Прошло несколько часов; была уже глубокая ночь, а Томас оставался единственным, кто не спал. Хотелось расплакаться, но слез не было. Потом, по непонятной причине, захотелось найти Алби и избить его, но он отказался от этой мысли. Юноша хотел закричать и выругаться, открыть люк и прыгнуть в черную пустоту шахты. Но он не сделал и этого.

Томас закрыл глаза, заставив себя отбросить мрачные мысли, и через некоторое время все-таки заснул.

Утром Чаку пришлось силой выволакивать Томаса из спального мешка, тащить в душ, а потом еще и в раздевалку – тот был вялым и безразличным ко всему. Завтрак прошел как в тумане: когда спустя полчаса он закончился, Томас даже не мог припомнить, что конкретно ел. Он был совершенно разбит и ощущал себя так, словно ему вскрыли череп и всадили в мозг целую дюжину гвоздей. Вдобавок ко всему его мучила изжога.

К сожалению, как успел понять Томас из разговоров, на ферме косо смотрели на любителей поспать в рабочее время.

Вскоре он уже стоял рядом с Ньютом перед хлевом на Жи-

водерне и мысленно готовился к встрече с первым куратором. Несмотря на отвратительное утро, он был рад, что открывает для себя что-то новое; к тому же работа на ферме давала отличный шанс отвлечься от мыслей о случившемся на кладбище. Вокруг мычали коровы, блеяли козы и хрюкали свиньи. Где-то поблизости залаяла собака.

Надеюсь, Фрайпан не вложил новый смысл в понятие «хот-дог», – подумал Томас. – Хот-дог... Когда я в последний раз ел хот-дог? И с кем?

– Томми, ты вообще меня слушаешь?

Томас очнулся от раздумий и повернулся к Ньюту. Тот, видимо, уже довольно долго что-то говорил, но юноша не слышал ни единого слова.

– Что? А, да, извини. Просто я ночью почти не спал.

Ньют улыбнулся, пытаясь изобразить сожаление.

– Да, блин, понимаю. На тебе и правда лица нет. Небось, думаешь, какой я стебанутый ушмарок, что заставляю тебя тащиться на ферму после всего, что вчера случилось?

Томас пожал плечами.

– Думаю, работа – именно то, что мне сейчас нужно. Я готов на все, лишь бы отвлечься.

Ньют кивнул и на этот раз улыбнулся более искренне.

– Как я и думал, ты не дурак, Томми. Мы тут дураков не держим, и это одна из причин, по которым нам удается сохранять Глэйд в чистоте и порядке. Начнешь лениться – начнешь хандрить. А начнешь хандрить – перестанешь бороть-

ся за жизнь и сдашься. Все просто.

Томас кивнул, катая ногой камень по пыльной потрескавшейся земле.

– Есть новости про вчерашнюю девушку?

Если что и могло рассеять тягостные воспоминания, так только мысли о незнакомке. Томас продолжал ощущать странную связь с новенькой, поэтому хотел узнать о ней как можно больше.

– Спит. Все еще в коме. Медаки заливают ей в рот какую-то жидкую стряпню Фрайпана, следят за работой органов и все такое. Она вроде в порядке, хотя и в отключке.

– Странно все это.

Томас не сомневался, что не случись на кладбище инцидента с Беном, все его мысли были бы о девушке. Возможно, он не смог бы сомкнуть глаз из-за нее. Жутко хотелось выяснить, кто она, действительно ли они были знакомы в прошлом.

– Точно. Думаю, слово «странно» подходит как нельзя лучше.

Томас попытался отбросить мысли о девушке и переключил внимание на большой хлев за спиной у Ньюта.

– С чего начнется испытание? Мне предстоит подоить коров или, может, заколоть несколько несчастных поросятков?

Ньют засмеялся, и Томас про себя отметил, что он почти не слышал смеха с тех пор, как появился в Глэйде.

– Сначала мы направляем новичков к чертовым забойщи-

кам. Но ты не волнуйся: забой животных для кухни Фрайпана – лишь малая часть работы. У забойщиков масса других обязанностей, связанных со скотиной.

– Жаль, не помню, кем был раньше. Может, любителем резать зверушек, – пошутил Томас, но Ньют, кажется, совсем не понял шутки.

– Будь спокоен, к заходу солнца ты это узнаешь. – Он кивнул в сторону хлева. – Пошли к Уинстону – он тут куратор.

Уинстон оказался прыщавым мальчишкой, коренастым и очень мускулистым. Томас подумал, что куратор любит свою работу, пожалуй, сверх меры.

Может, его сослали сюда из-за того, что он был серийным убийцей?

В течение первого часа Уинстон показывал Томасу загоны с животными, индюшатники, курятники, хлев и объяснял, какую работу нужно выполнять. Пока они обходили ферму, Томаса неотступно сопровождала местная собака – надоедливый черный лабрадор по кличке Гав. Томас поинтересовался, откуда в Глэйде могла появиться собака, но Уинстон ответил, что она жила здесь изначально. К счастью, Гав оказался молчалив и, скорее всего, такую кличку ему дали в шутку.

Следующий час был посвящен непосредственно работе – кормежке животных, уборке помещений, ремонту ограды и выгребанию кланка.

Кланк. Томас поймал себя на том, что использует словечки глэйдеров все чаще и чаще.

Третий час на ферме выдался для него наиболее трудным: ему пришлось наблюдать, как Уинстон сначала заколол свинью, а потом разрезал на куски перед отправкой на кухню. По пути на обед Томас поклялся себе в двух вещах: во-первых, его работа не будет связана с животными и, во-вторых, он больше никогда не станет есть свинину.

Уинстон отпустил Томаса на обед одного, сказав, что останется на Живодерне. Томас был только рад этому. В присутствии Уинстона он чувствовал себя неудобно. Шагая в направлении Восточных Ворот, он так и представлял куратора грызущим в темном углу скотобойни сырую свиную ногу.

Юноша как раз проходил мимо Ящика, когда, к огромному его удивлению, из Лабиринта через Западные Ворота слева от него вбежал парень азиатской внешности с сильными руками и короткими черными волосами, на вид чуть старше Томаса. Переступив границы Глэйда, бегун сделал еще три шага, остановился и наклонился, упершись руками в колени и пытаясь отдышаться. Глядя на его раскрасневшееся лицо и одежду, насквозь пропитанную потом, можно было решить, что он пробежал не меньше двадцати миль.

Томас с любопытством рассматривал его – ему пока не доводилось видеть бегунов так близко, не говоря уже о том, чтобы общаться с ними. К тому же, судя по наблюдениям двух предыдущих дней, этот бегун вернулся на несколько ча-

сов раньше обычного. Томас направился к парню, намереваясь задать тому несколько вопросов.

Но не успел он мысленно оформить хотя бы одну фразу, как бегун рухнул на землю.

Глава двенадцатая

Парень лежал неподвижно в неуклюжей позе. Несколько секунд Томас боролся с искушением броситься на помощь, однако никак не мог принять решение, опасаясь навлечь на себя неприятности. Но что, если с парнем действительно что-то серьезное? Что если его... покусали? Или...

Томас отбросил сомнения – бегуна явно требовалась помощь.

– Алби!.. – заорал юноша. – Ньют! Кто-нибудь, приведите их!

Он подскочил к распластанному парню и опустился на землю рядом с ним.

– Эй, ты как?

Голова бегуна лежала на вытянутых руках, бока раздувались от тяжелого дыхания. Парень находился в сознании, хотя Томас никогда не видел человека более вымотанного.

– Я... в порядке, – ответил бегун, еле ворочая языком. Потом посмотрел на Томаса. – А ты что еще за кланк?

– Я новенький, – Томас вдруг подумал, что бегуны круглые сутки проводят в Лабиринте и узнают обо всем, что происходит в Глэйде, только из чьих-то рассказов. Интересно, ему уже сообщили о появлении девушки? Наверняка кто-то уже насплетничал. – Меня Томасом зовут. Появился у вас два дня назад.

Бегун кое-как принял сидячее положение. Его черные волосы прилипли к мокрому от пота лбу.

– А, Томас, – выдохнул он. – Новички. Ты и та цыпочка. Алби подбежал к ним с явно озабоченным видом.

– Ты чего так рано вернулся, Минхо? Стряслось что-нибудь?

– Не гони лошадей, Алби, – отозвался бегун. Похоже, силы возвращались к нему с каждой новой секундой. – Лучше принеси воды – пришлось бросить рюкзак в Лабиринте.

Алби не двинулся с места. Он довольно сильно пнул Минхо в ногу, давая понять, что не шутит.

– Рассказывай, что произошло!

– Я едва говорить могу, балда! – рявкнул Минхо хрипло. – Принеси воды!

Томас с удивлением заметил, что по лицу Алби промелькнуло нечто напоминающее улыбку. Впрочем, парень тут же нахмурился и поглядел на Томаса.

– Минхо – единственный шанк, кто имеет право говорить со мной в таком тоне. Любой другой уже летел бы вверх тор-машками с Обрыва.

И тут Алби встал и побежал – видимо, за водой для этого Минхо.

Томас был просто поражен.

– Почему он разрешает тебе помыкать собой? – спросил он.

Бегун пожал плечами и вытер со лба свежие капли пота.

– Ты что, испугался этого пустомели? Чувак, тебе предстоит еще многому научиться. Чертовы новички!

Упрек задел Томаса сильнее, чем можно было ожидать, учитывая, что знакомство с Минхо длилось всего три минуты.

– А разве он не ваш вожак?

– Вожак?.. – Минхо издал хриплый звук, очевидно, обозначающий смех. – Ну-ну. Можешь называть таким манером, если хочешь. А может, стоит величать его Эль Президенте? Или нет! Лучше Адмирал Алби! Так гораздо красивее!

Продолжая хихикать, он потер глаза.

Томас оказался в замешательстве, не зная, как продолжать разговор. Невозможно было понять, шутит Минхо или говорит серьезно.

– И кто тогда вожак, если не он?

– Лучше помолчи, Шнурок, пока совсем не запутался, – вздохнул Минхо, словно Томас его утомил, затем тихо проворчал под нос: – И чего вы, шанки зеленые, вечно лезете с глупыми вопросами? Это так достает...

– А ты чего ожидал? – внезапно вспыхнул Томас.

Можно подумать, ты не так же себя вел, когда сам тут очутился! – захотелось ему сказать.

– Ожидал, что сделаешь то, что тебе сказали, – закроешь рот.

При этих словах Минхо впервые посмотрел Томасу прямо в глаза. Тот невольно отстранился и немедленно пожалел об

этом – было ошибкой позволять парню думать, что он может говорить с ним в таком тоне.

Томас выпрямился и произнес, глядя на лежащего бегуна:

– Ага. Уверен, что именно это ты и делал, когда был новичком.

Минхо пристально посмотрел на него.

– Я – один из самых первых глэйдеров, балда. Так что не болтай о том, чего не знаешь.

Теперь Томас стал немного опасаться парня, но все равно – ему осточертело такое обращение с собой. Он хотел было встать и уйти, но Минхо быстро схватил его за руку.

– Чувак, расслабься. Я всего лишь прикалываюсь. Знаешь, иногда забавно действовать на нервы новичкам. Ты и сам поймешь, когда прибудет... – Он осекся, озадаченно задрал брови. – Как думаешь, новеньких и правда больше не будет?

Томас расслабился и снова сел рядом, удивляясь, как легко бегуну удалось его успокоить. Он вспомнил про девушку и записку, в которой говорилось, что она «последняя».

– Думаю, не будет.

Минхо вопросительно посмотрел на него.

– Ты видел цыпочку, верно? Все говорят, что вы с ней знакомы или типа того.

Томас почувствовал, как в нем нарастает обида.

– Видел, только она мне совсем не кажется знакомой.

Внезапно ему стало стыдно за свое вранье. Пусть ложь и

была пустячной.

– Симпатичная?

Томас не думал о девушке в таком аспекте, с тех пор как она очнулась с запиской в руке и произнесла замогильным голосом «*Скоро все изменится*». Но ее красота ему запомнилась.

– Да, кажется, симпатичная, – ответил он, немного подумав.

Минхо медленно опустился на спину и закрыл глаза.

– Ну да. *Кажется...* При условии, что тебя привлекают цыпочки в отключке, – засмеялся он.

– Ага.

Манера поведения Минхо, похоже, менялась ежеминутно, поэтому Томас никак не мог для себя решить, нравится ему бегун или нет.

После долгой паузы он все-таки решился спросить:

– Что-нибудь интересное нашел сегодня?

Минхо посмотрел на него круглыми от удивления глазами.

– Знаешь, Шнурок, это самый идиотский вопрос, который только можно задать бегуну. – Он опять закрыл глаза. – Впрочем, сегодня особый день.

– Что ты имеешь в виду?

Томас сгорал от нетерпения, ожидая получить хоть какую-то информацию. *Ответь!* – мысленно умолял он. – *Пожалуйста, ответь мне!*

– Давай подождем возвращения нашего свадебного генерала. Не люблю повторять одно и то же по два раза. К тому же он может быть против того, чтобы ты слышал.

Томас вздохнул. В очередной раз он остался без ответа, но его это совсем не удивляло.

– Ну скажи хоть, где так вымотался. Да и вернулся ты раньше. Обычно вы весь день там проводите?

Минхо с кряхтением приподнялся и сел, скрестив ноги.

– Точно, Шнурок. Целый день мотаюсь по Лабиринту. Но сегодня, скажем так, я малость переволновался, поэтому и рванул назад побыстрее.

Томасу не терпелось поскорее узнать, что произошло в Лабиринте.

– Расскажи.

Минхо всплеснул руками.

– Чувак! Говорю тебе – терпение! Подождем генерала Алби.

Что-то в интонации бегуна было такое, что смягчило отказ, и Томас окончательно определился: Минхо ему симпатичен.

– Ладно, умолкаю. Но когда будешь рассказывать новости Алби, сделай так, чтобы он меня не прогнал, хорошо?

Бегун пару секунд молча глядел Томасу в глаза, затем ответил:

– Хорошо, Шнурок. Ты у нас тут босс.

Спустя несколько секунд появился Алби и протянул Мин-

хо большую пластиковую кружку с водой; тот осушил ее залпом.

– Итак, – начал Алби, – с этим покончено. Теперь говори, что там стряслось?

Минхо поднял брови и кивнул в сторону Томаса.

– Не обращай внимания, – ответил Алби. – Мне плевать, что услышит этот шанк. Говори же!

Томас молча наблюдал, как Минхо поднимается, пошатываясь из стороны в сторону. Весь его облик буквально *кричал* о невероятной усталости. Бегун прислонился к стене и обвел обоих ледяным взглядом.

– Я нашел труп.

– Что? – оторопел Алби. – Чей труп?

Минхо улыбался.

– Труп гривера.

Глава тринадцатая

При упоминании о гриверах у Томаса учащенно заколотилось сердце – трудно было вспоминать о чудовищах без содрогания. Но ему стало любопытно, почему мертвый гривер наделал такого переполоха. Неужели раньше они не сталкивались с подобным?

Вид у Алби был недоверчивый, словно ему пообещали, что сейчас за спиной у него вырастут крылья, и он сможет взлететь.

– Сейчас не самое подходящее время для шуток, – сказал он.

– Знаешь, на твоём месте я бы тоже не поверил, – ответил Минхо. – Но я видел эту дохлую тварь собственными глазами, можешь не сомневаться.

Определенно ничего подобного раньше не происходило, подумал Томас.

– Значит, ты обнаружил *мертвого* гривера, – задумчиво повторил Алби.

– Верно, – немного раздраженно подтвердил Минхо. – Он в паре миль отсюда, недалеко от Обрыва.

Алби посмотрел в просвет в стене, потом снова на бегуна.

– Ну хорошо... А почему ты не притащил его с собой?

Минхо издал смешок, который больше походил на недовольное фырканье.

– Чувак, ты чего, огненного соуса Фрайпана перебрал? Да они по полтонны весят! И вообще, я не прикоснусь ни к одной из этих тварей, даже если мне пообещают выход из Лабиринта!

– Как он выглядел? – спросил Алби. – Он хоть немного шевелился? Железные шипы на теле были выпущены? А кожа скользкая?

Томаса распирало от любопытства. Железные шипы? Скользкая кожа? Да о чем они вообще?.. Однако он продолжал молчать, стараясь не напоминать о своем присутствии. Вряд ли подобные темы следовало обсуждать при посторонних.

– Короче, старик, – сказал Минхо. – Ты должен сам посмотреть на него. Тут есть какая-то странность.

– Странность? – удивленно переспросил Алби.

– Чувак, я чертовски устал, хочу жрать, и вдобавок мне солнцем напекло башку. Но если настаиваешь, можем туда смотаться. Как раз успеем вернуться к закрытию Ворот.

Алби посмотрел на часы.

– Лучше отложим до утра.

– Самое умное, что я услышал от тебя за последнюю неделю. – Минхо выпрямился, шутливо ткнул Алби кулаком в плечо и, слегка пошатываясь, побрел к Хомстеду.

По-видимому, боль в теле не позволила ему оглянуться, так как он, уходя, крикнул через плечо:

– По идее, я обязан вернуться назад в Лабиринт, но мне

по фигу. Пойду навещу Фрайпана и чего-нибудь пожую.

Томас был немного разочарован. Он понимал, что Минхо устал и ему требовалось отдохнуть и поесть, но все равно хотелось разузнать побольше.

Алби неожиданно повернулся к нему.

– Если ты что-то знаешь, но скрываешь...

Томасу до чертиков надоело, что его обвиняют в сокрытии какой-то информации. Неужели у них других проблем нет? Ведь он действительно ничего такого не утаивал.

– За что ты меня так ненавидишь? – прямо спросил он, глядя Алби прямо в лицо.

На лице Алби отобразились одновременно смущение, гнев и удивление.

– *Ненавижу* тебя? Ты так ничему и не научился с тех пор, как вылез из Ящика, придурок! Речь тут идет не о ненависти, симпатии, любви, дружбе или прочей ерунде! Все, о чем мы тут думаем, – как бы выжить. Так что забудь бабьи замашки, шанк, и включай гребаные мозги, если они у тебя есть!

Томасу будто дали пощечину.

– Но... почему ты продолжаешь обвинять...

– Потому что совпадения быть не может, балда стебанутая! Сначала появляешься ты, на следующий день – эта девчонка с непонятным посланием, потом на тебя набрасывается Бен, а теперь еще гриверы дохнуть стали! Что-то здесь не так, и я не успокоюсь, пока не разберусь, что именно!

– Я ничего не знаю, Алби, – твердо сказал Томас. Кажет-

ся, сейчас был удачный момент для того, чтобы проявить характер. – Я даже не знаю, чем занимался три дня назад, и тем более не в курсе, почему Минхо наткнулся на труп существа, которое вы называете гривером! Так что отвали!

Алби отпрянул назад и несколько секунд оторопело глядел на него. Затем сказал:

– Не кипятись, Шнурок. Взрослей и начинай соображать. Никто никого ни в чем не обвиняет. Но если что-то вспомнишь, если что-то тебе покажется знакомым, сразу скажи. Пообещай.

Не раньше, чем ко мне вернутся воспоминания, – подумал Томас. – *И не раньше, чем я сам захочу делиться ими.*

– Я думаю... Ладно, но...

– Просто пообещай!

Томас замолчал. Алби и нажим, с каким он действовал, ему порядком опротивели.

– Обещаю, – наконец ответил он. – Если что вспомню, сообщу.

Алби кивнул, развернулся и, не произнеся более ни слова, пошел прочь.

Томас выискал самое раскидистое дерево на опушке леса около Могильника – оно давало наибольшую тень. Возвращаться назад на ферму к Мяснику Уинстону он побаивался. Томас понимал, что необходимо поесть, но ему не хотелось никого ни видеть, ни слышать, поэтому он предпочел

остаться в одиночестве до тех пор, пока его не хватятся. Он сидел, опершись на толстый ствол дерева, и мечтал хотя бы о слабом ветерке, но ветра не было.

Томас уже почти задремал, когда тишину и покой нарушил Чак.

– Томас! Томас!.. – кричал мальчишка, на ходу размахивая руками. На лице его читалось сильнейшее возбуждение.

Томас потер глаза и недовольно застонал; больше всего на свете ему сейчас хотелось немного поспать. Он поднял глаза на Чака только тогда, когда услышал прямо перед собой его учащенное дыхание.

– Чего тебе?

– Бен... Бен... он... не умер, – с трудом выдавил Чак, пытаясь отдышаться.

Услышав это, Томас подскочил как ужаленный. От усталости ни осталось и следа.

– *Что?!*

– Он... не умер. За ним пошли чистильщики... стрела не задела мозг... Медаки его кое-как залатали.

Томас оглянулся на лес, где прошлым вечером на него напал обезумевший глэйдер.

– Ты что, издеваешься? Я сам его видел...

Он не умер? Томас не мог бы сейчас ответить, что сейчас чувствовал сильнее: смятение, облегчение или страх оттого, что на него снова могут напасть...

– Ага, и я его видел. Со здоровенной повязкой на голове, –

ответил Чак. – Его заперли в Кутузке.

Томас снова повернулся к нему.

– Кутузке?.. В каком смысле?

– Да, в Кутузке. У нас с северной стороны Хомстеда устроена тюрьма. – Чак ткнул пальцем в сторону дома. – Его уперли так быстро, что медакам пришлось оказывать ему помощь прямо в камере.

Томас потерял глаза. Он понял, что на самом деле чувствовал, и от этого стало стыдно, – он испытал облегчение, решив, что Бен погиб и больше не придется его бояться.

– И что теперь с ним будет?

– Утром был Совет кураторов на эту тему. Принято единоголосное решение. Теперь, думаю, этот шанк очень сильно жалеет, что стрела сразу не проткнула ему гнилые мозги.

Томас искоса посмотрел на Чака.

– О чем ты говоришь?

– Сегодня вечером его ждет Изгнание. За то, что пытался тебя убить.

– Изгнание? А это еще что такое? – спросил Томас, хотя он и догадывался, что ничего хорошего за этим словом не кроется, раз Чак считал его чем-то похуже смерти.

Но тут Томас увидел, пожалуй, самое страшное из всего, чему стал свидетелем с момента прибытия в Глэйд: Чак улыбался. Улыбался, несмотря на весь ужас новости, которую принес.

Ничего не ответив, Чак развернулся и побежал прочь –

видимо, чтобы поделиться потрясающим известием с кем-нибудь еще.

Вечером, когда над Глэйдом начали сгущаться сумерки – примерно за полчаса до закрытия проходов, – Ньют и Алби собрали всех глэйдеров у Восточных Ворот. Бегуны вернулись совсем недавно и тут же скрылись в таинственном Картохранилище, заdraив за собой тяжелую стальную дверь. Минхо уже находился там. Алби попросил бегунов закончить свои дела как можно скорее и выделил им на все про все двадцать минут.

Тот факт, что Чак улыбался, сообщая весть об Изгнании Бена, все еще тревожил Томаса. Он понятия не имел, что скрывается за наказанием, но был уверен – нечто страшное. Особенно если учесть, что все они собрались прямо у выхода в Лабиринт. *Неужели они хотят выдворить его наружу?* – размышлял он. – *Прямо к гриверам?*

Гнетущая атмосфера ожидания чего-то зловещего нависла над толпой, словно грозовая туча. Глэйдеры напряженно перешептывались. Томас молча стоял, скрестив на груди руки, и терпеливо ожидал представления. Наконец бегуны покинули будку. Выглядели они очень уставшими, на лицах по-прежнему оставалось напряженное выражение глубокой задумчивости. Минхо вышел первым: это навело Томаса на мысль о том, что он был их куратором.

– Давайте его сюда! – скомандовал Алби, заставив Томаса

вздрагнуть и очнуться от дум.

Томас опустил руки, повернулся и стал выискивать глазами Бена, с беспокойством думая, как поведет себя обезумевший юноша, когда его увидит.

Из-за дальнего угла Хомстеда показались три крепких парня, которые буквально волокли Бена по земле – тот отказывался идти самостоятельно. Одежда на мальчике была изорвана настолько, что едва держалась, а голову и лицо прикрывала толстая, мокрая от крови повязка. Он походил на мертвеца – таким же Томас видел его последний раз на кладбище. За исключением одной детали: теперь его глаза были открыты и полны страха.

– Ньют, – сказал Алби очень тихо. Не находишь Томас всего в нескольких футах рядом, он бы не расслышал слов. – Неси шест.

Ньют, очевидно, ожидал приказа, поэтому кивнул, уже направляясь к небольшому сараю с садовым инвентарем, стоявшему на Плантации.

Томас снова перевел взгляд на Бена и его конвоиров. Несчастный по-прежнему не пытался сопротивляться, позволяя волочить себя по пыльным камням. Поравнявшись с толпой, конвоиры поставили Бена прямо перед Алби, и пленник лишь безвольно свесил голову, не решаясь глядеть никому в глаза.

– Ты сам виноват, Бен, – бросил Алби, покачав головой, и посмотрел на сарай, к которому пошел Ньют.

Томас проследил за его взглядом: Ньют как раз вышел из перекошенного дверного проема с несколькими алюминиевыми трубами в руках и принялся соединять их в единый шест, футов двадцати в длину. Закончив, он закрепил на одном из концов какой-то странный предмет и потащил готовую конструкцию к толпе. У Томаса мурашки побежали по спине, когда он услышал жуткий скрежет, с которым труба волочилась по камням.

Он был ужасно напуган всей этой процедурой и почему-то никак не мог отделаться от чувства ответственности за случившееся, хотя и понимал, что ничем Бена не провоцировал. Несмотря на это, Томас сильно переживал. Что он сделал не так? Ответа не было, но угрызения совести все равно продолжали грызть его изнутри, словно язва.

Наконец Ньют подошел к Алби и передал тому конец шеста. Только теперь Томас смог рассмотреть странный предмет, который прикрепил Ньют к противоположному краю: к железной трубе толстой проволокой была прикручена петля из грубой кожи. Большая застежка в виде кнопки указывала на то, что петля могла открываться и закрываться. Назначение механизма стало очевидным.

Это был ошейник.

Глава четырнадцатая

Томас наблюдал, как Алби расстегнул ошейник и надел его на шею Бену. Когда кожаная петля с громким шлепком сомкнулась, Бен поднял голову. Его глаза застилала слезы, а из носа бахромой свисали сопли. Глэйдеры взирали на него в молчаливом ожидании.

– Алби, пожалуйста, – начал умолять Бен таким жалостливым голосом, что Томас засомневался, а тот ли это парень, который днем ранее попытался перерезать ему глотку. – Я клянусь, у меня просто помутилось в голове. Это было секундное помешательство из-за Метаморфозы. Я бы никогда его не убил. Пожалуйста, Алби. Пожалуйста!

Каждое слово, слетающее с уст мальчика, было для Томаса словно удар кулаком в живот; он ощущал себя виноватым все сильнее и сильнее.

Алби не удостоил Бена ответом. Вместо этого он дернул за ошейник, чтобы убедиться, что и на шесте, и на шее Бена тот закреплен как надо. Затем прошел вдоль шеста, оторвав его от земли и проведя ладонью по всей длине. Когда достиг конца шеста, крепко обхватил его и повернулся к толпе. Глаза Алби были налиты кровью, он тяжело дышал, а лицо перекосила злобная гримаса. Внезапно вожак глэйдеров показался Томасу олицетворением зла.

На противоположном конце шеста была совсем иная кар-

тина: Бен, дрожащий и плачущий, с петлей из неровно вырезанной старой кожи на бледной худой шее, прикованный к длинной двадцатифутовой трубе. Даже оттуда, где стоял Томас, труба казалась очень прочной – алюминиевый шест если и прогибался в центре, то совсем чуть-чуть.

Алби заговорил громким, почти торжественным голосом, не обращаясь ни к кому конкретно и в то же время ко всем сразу.

– Бен Строитель, Совет кураторов вынес решение. Ты приговариваешься к Изгнанию за попытку убийства Томаса Новичка. Решение окончательное. Ты покидаешь нашу общину. Навсегда.

Долгая, очень долгая пауза.

– Кураторы, занять места у Шеста Изгнания!..

Томас возненавидел Алби за то, что тот публично связал его имя с изгнанием Бена. Чувствовать собственную ответственность было невыносимо. И вот теперь, снова оказавшись в центре внимания, Томас рисковал получить в свой адрес новую порцию подозрений. Ощущение вины трансформировалось в злость и желание обвинить кого-нибудь другого – ему сильнее всего хотелось, чтобы Бен наконец-то исчез, а все поскорее закончилось.

Один за другим из толпы вышли несколько юношей и, подойдя к шесту, крепко взялись за него, словно готовились к игре в «перетягивание каната». Помимо Ньюта, среди них оказался и Минхо, что подтверждало предположение Томаса

о том, что он являлся куратором бегунов. Мясник Уинстон тоже занял позицию у шеста.

Десять кураторов расположились с равными промежутками между Алби и Беном: наступило гробовое молчание. Единственным звуком, нарушавшим тишину, были приглушенные всхлипывания Бена, который не переставал вытирать нос и глаза. Он пытался повернуть голову, однако ошейник мешал ему оглянуться назад и увидеть сам шест и кураторов.

В душе у Томаса снова что-то переменялось. Все-таки это было неправильно. Неужели Бен заслужил такую судьбу? Наверняка можно наказать его как-то иначе. Неужели Томас до конца своих дней будет нести груз ответственности за случившееся? *Заканчивайте же скорее!* – мысленно закричал он. – *Пусть это кончится!*

– Пожалуйста, – сказал Бен срывающимся от отчаяния голосом. – *Пожжа-а-а-алуйста!* Кто-нибудь, помогите мне! Вы не можете так со мной поступить!

– Молчать! – крикнул Алби.

Но Бен не обращал на него внимания, продолжая умолять о пощаде и дергая кожаную петлю на шее.

– Пожалуйста, остановите их! Помогите мне! Пожалуйста!..

Он переводил жалобный взгляд с одного мальчика на другого, но все неизменно отворачивались, не решаясь посмотреть ему в глаза. Опасаясь встретиться взглядом с Беном,

Томас быстро отступил назад, спрятавшись за спиной какого-то высокого парня. *Это невыносимо*, – подумал он.

– Если бы мы позволяли безнаказанно творить преступления таким шанкам, как ты, община долго бы не протянула, – крикнул Алби. – Кураторы, приготовиться!

– Нет, нет, нет, нет, – слезно заголосил Бен. – Я клянусь, что сделаю все что захотите! Клянусь, что больше это никогда не повторится! Ну пожа-а-а-алуйста!..

Его пронзительный вопль заглушил оглушительный грохот Восточных Ворот, пришедших в движение. Правая стена, скрежеща камнем по камню и высекая снопы искр, заскользила влево, отгораживая Глэйд от ночного Лабиринта. Земля задрожала. Томас понял, что сейчас должно произойти, но не знал, хватит ли у него мужества досмотреть до конца.

– Кураторы, вперед! – скомандовал Алби.

Кураторы толкнули шест перед собой и начали выпихивать Бена за пределы Глэйда – прямо в Лабиринт. Голова Бена резко дернулась назад, и он издал пронзительный сдавленный крик, даже более громкий, чем грохотание закрывающейся стены. Он упал на колени, но один из кураторов, идущий впереди – плотный черноволосый парень со злым оскалом скверных зубов, – тут же рывком поставил его на ноги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.